

***International Scientific and Practical
Conference
"WORLD SCIENCE"***

№ 4(8), Vol.5, April 2016

**Proceedings of the IInd International Scientific
and Practical Conference
"Methodology of Modern Research
(March 28 – 29, 2016, Dubai, UAE)"**

Copies may be made only from legally acquired originals.

A single copy of one article per issue may be downloaded for personal use (non-commercial research or private study). Downloading or printing multiple copies is not permitted. Electronic Storage or Usage Permission of the Publisher is required to store or use electronically any material contained in this work, including any chapter or part of a chapter. Permission of the Publisher is required for all other derivative works, including compilations and translations. Except as outlined above, no part of this work may be reproduced, stored in a retrieval system or transmitted in any form or by any means without prior written permission of the Publisher.

Founder –
ROSTrans Trade F Z C
company,
Scientific and Educational
Consulting Group
"WORLD Science", Ajman,
United Arab Emirates

<http://ws-conference.com/>

Publisher Office's address:
United Arab Emirates, Ajman

Amberjem Tower (E1)
SM-Office-E1-1706A

E-mail: worldscience.uae@gmail.com

Tel. +971 56 498 67 38

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial boards point of view and impose no obligations on it.

CHIEF EDITOR

Ramachandran Nithya,

Professor in Finance and Marketing,
IBRA College of Technology,
Oman

EDITORIAL BOARD:

Nobanee Haitham,

Associate Professor of Finance,
Abu Dhabi University,
United Arab Emirates

Almazari Ahmad,

Professor in Financial Management,
King Saud University-Kingdom of
Saudi Arabia, Saudi Arabia

Lina Anastassova,

Full Professor in Marketing,
Burgas Free University, Bulgaria

Mikiashvili Nino,

Professor in Econometrics and
Macroeconomics, Ivane Javakishvili
Tbilisi State University, Georgia

Alkhawaldeh Abdullah,

Professor in Financial Philosophy,
Hashemite University, Jordan

Mendebaev Toktamys,

Doctor of Technical Sciences, Professor,
LLP "Scientific innovation center
"Almas",
Kazakhstan

Yakovenko Nataliya,

Professor, Doctor of Geography,
Ivanovo State University, Shuya

Mazbayev Ordenbek,

Doctor of Geographical Sciences,
Professor of Tourism, Eurasian National
University named after L.N.Gumilev

Sentyabrev Nikolay,

Professor, Doctor of Sciences,
Volgograd State Academy of Physical
Education, Russia

Ustenova Gulbaram,

Director of Education Department of the
Pharmacy, Doctor of Pharmaceutical Science,
Kazakh National Medical University name of
Asfendiyarov, Kazakhstan

Harlamova Julia,

Professor, Moscow State University of Railway
Transport, Russia

Kalinina Irina,

Professor of Chair of Medicobiological
Bases of Physical Culture and Sport,
Dr. Sci.Biol., FGBOU VPO Sibirsky State
University of Physical Culture and Sport,
Russia

Imangazinov Sagit,

Director, Ph.D, Pavlodar affiliated branch
"SMU of Semei city"

Dukhanina Irina,

Professor of Finance and Investment Chair,
Doctor of Sciences, Moscow State Medical
Dental University by A. I. Evdokimov of the
Ministry of health of the Russian Federation

Orehowskyi Wadym,

Head of the Department of Social and Human
Sciences, Economics and Law, Doctor of
Historical Sciences, Chernivtsi Trade-
Economic Institute Kyiv National Trade and
Economic University

Peshcherov Georgy,

Professor, Moscow State Regional University,
Russia

Mustafin Muafik,

Professor, Doctor of Veterinary Science,
Kostanay State University named
after A.Baitursynov

Ovsyanik Olga,

Professor, Doctor of Psychological Science,
Moscow State Regional University

EDITORIAL BOARD:

Temirbekova Sulukhan,

Dr. Sc. of Biology, Professor,
Federal State
Scientific Institution All-Russia Selection-
Technological Institute of Horticulture and
Nursery

Kuzmenkov Sergey,

Professor at the Department of Physics
and Didactics of Physics, Candidate of
Physico-mathematical Sciences, Doctor of
Pedagogic Sciences, Kherson State
University

Safarov Mahmatali,

Doctor Technical Science, Professor
Academician Academia Science Republic
of Tajikistan, National Studies University
"Moscow Power Institute" in Dushanbe

Omarova Vera,

Professor, Ph.D., Pavlodar State
Pedagogical Institute, Kazakhstan

Koziar Mykola,

Head of the Department, Doctor of
Pedagogical Sciences, National
University of Water Management And
Nature Resources Use, Ukraine

Tatarintseva Nina,

Professor, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Sidorovich Marina,

Candidate of Biological Sciences,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Full Professor,
Kherson State University

Polyakova Victoria,

Candidate of Pedagogical Sciences, Vladimir
Regional Institute for Educational
Development name L.I. Novikova, Russia

Issakova Sabira,

Professor, Doctor of Philology,
The Aktyubinsk regional state university of
K. Zhubanov

Kolesnikova Galina,

Professor, Taganrog Institute of Management
and Economics, Russia

Utebaliyeva Gulnara,

Doctor of Philological Science, Al-Farabi
Kazakh National University

Uzilevsky Gennady,

Dr. of Science, Ph.D., Russian Academy of
National Economy under the President of the
Russian Federation

Crohmal Natalia,

Professor, Ph.D. in Philosophy, National
Pedagogical Dragomanov University, Ukraine

Chorny Oleksii,

D.Sc. (Eng.), Professor, Kremenchuk
Mykhailo Ostrohradskyi National
University

Pilipenko Oleg,

Head of Machine Design Fundamentals
Department, Doctor of Technical Sciences,
Chernigiv National Technological University

CONTENTS

PHILOSOPHY AND PHILOLOGY

Abdieva Rose Serikbaevna, Nogaybaeva Zhibek Abdibekovna, Tlepbergen Akmoldir Maksatovna MODERN COMPARATIVE ANALYSIS OF TURKIC AND KAZAKH ETYMOLOGY BASED ON QUALITATIVE RESEARCH OF M. KASHGARI.....	6
Sultanbekova S. A., Nurtlessova Diana STRUCTURAL ANALYSIS OF KAZAKH COMPARATIVE IDIOMS DESCRIBING PHYSICAL APPEARANCE AND AGE OF PEOPLE BASED ON G.SMAGULOVA'S DICTIONARY "MAGYNALAS PHRASEOLOGISMDER SOZDIGI" (DICTIONARY OF SYNONYMOUS IDIOMS).....	9
Gafarova Sh. X MARKING OF SYNTACTIC SYNONYM AND THE CAUSE OF THEM.....	12
Кульбижекков В. Н. ФИЛОСОФИЯ И ЭСТЕТИКА БУДДИЗМА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ.....	13
Peremitina Mariya TECHNICAL TRANSLATOR'S ROLES CONCEPT BASED UPON COMPETENCE EVALUATION.....	18
Aidaraliev Amantur ABOUT RELIGIOUS SITUATION IN CENTRAL ASIA.....	20
Дмитро Петрович Гергинов АКТОВЕ И УДОСТОВЕРЕНИЯ ЗА ГРАЖДАНСКО СЪСТОЯНИЕ В РЕПУБЛИКА БЪЛГАРИЯ (АКТ И УДОСТОВЕРЕНИЕ ЗА РАЖДАНЕ).....	23
Lomova E. A. "FAMILY ISSUE" IN THE RECEPTION RUSSIAN- ANGLO-AMERICAN SLAVIC STUDIES.....	27
Турабаева Л. К., Абдикеримова Г. А., Турсунбаева Қ. Т. РЕСМИ ІСКЕРЛІК ҚАРЫМ-ҚАТЫНАС ЖӘНЕ СӨЙЛЕУ МӘДЕНИЕТІ.....	30
Уметов К. К. КРАТКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НЕМЕЦКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ.....	33
Цао Лиля ОЦЕНКА КИТАЙЦЕВ В СМЕШАННЫХ БРАКАХ С РУССКИМИ.....	36
Ши Янь КОНЦЕПТ «УДАЧА» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	38
Носов Николай Михайлович ЗНАЧЕНИЕ ПОДТЕКСТА В ВЕРБАЛЬНОМ И НЕВЕРБАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ГЕРОЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА НА ОСНОВАНИИ УЧЕБНИКОВ ПО КИНОДРАМАТУРГИИ.....	39

PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY

Stoyanova Mariya

INSOLVENCY IN BULGARIA INTERNALIZATION
OF GENERATIONS AT WORK.....42

Арпентьева М. Р.

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ.....46

Ахметова А. И., Ширинбаева Г.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕЛОСТНОГО РАЗВИТИЯ
СТАРШЕКЛАССНИКОВ В УСЛОВИЯХ
ВНЕДРЕНИЯ ПРОГРАММЫ НРАВСТВЕННО-
ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «САМОПОЗНАНИЕ».....50

PHILOSOPHY AND PHILOLOGY

**MODERN COMPARATIVE ANALYSIS OF TURKIC AND
KAZAKH ETYMOLOGY BASED ON QUALITATIVE
RESEARCH OF M. KASHGARI**¹PhD, Associate professor *Abdieva Rose Serikbaevna;*²Ph.D., Associate professor *Nogaybaeva Zhibek Abdibekovna;*¹Lecturer *Tlepbergen Akmoldir Maksatovna*¹*Kazakhstan, Almaty, Al-Farabi Kazakh National University, Faculty of Journalism,*²*Kazakhstan, Almaty, Narxoz University,*

Abstract. This study is dedicated to a deeper study of Turkology, its main aim is to reveal more archeological and historical proofs. In this article the autor gives some facts about Turkology and its interconnection to Kazakh culture. In the end the author gives her opinion to that today's study about Turkology is too little and calls to investigate it more.

Keywords: Turkology, languages, history, ethnography, etnonyms

Turkology is a complex discipline. It studies languages, history, literature, folklore, culture, peoples speaking of Turkic languages. Turkology originally developed primarily as a philological discipline; linguistic turkology as an independent field began to take its form in the 2nd half of the 19th century. Important sources for the history of the Turkic languages, making their classification became the Orkhon- Yenisei inscriptions (see Orkhon- Yenisei inscriptions language) ancient Uighur monuments, works of medieval Arabic-speaking, Persian and Turkic-speaking authors. Of particular importance is a set of medieval Turkic information about the tribes and their languages"Devaney lugat at Turk ", created in the 11th century by Mahmud-al- Kashgari.

Western Europe immediately met with the Turks in the 11-13 centuries. During the struggle against Byzantium and the Crusaders Seljuk Turks; interest has intensified after the capture of Constantinople by the Ottoman Turks (1453) and the threat of their further invasion of Europe. By 14-17 centuries are described as Turkey made returning from Turkish captivity Europeans as well as travelers and ambassadors: the Venetian Marco Polo, Russian Athanasius Nikitin, Saxon Adam Oleary and others. In the late 16th century and in 17-18 centuries study of the Ottoman Empire was the main focus in the Western Orientalism Türkology and pursued mainly practical political goals: one of the first objects of study in Europe (until the 2nd half of the 19th century, he was practically the only one) was the Turkish language ; Istanbul, Venice, Paris, Vienna and other cities organized school translators, published grammars and dictionaries of Turkish language: in 1533 there was the first handwritten manual Florentine Filippo Argent, in 1612 - the first printed grammar I. Megizera . These and other works on the Turkish (Ottoman) language, especially Turkish grammar and vocabulary Meninsky Francis (1680, revised ed grammar . AF Kollar and republished in three volumes in Vienna in 1756, revised and reissued dictionary there in 1780), paved the way for the scientific study of Turkic languages in Western Europe and Russia. Beginning in the 18th century. Particularly well developed in France osmanistika (JB Golderman D., A. Pave de Kurt and others); Turkish study also engaged L. Bonelli, E. Rossi and others in Italy, J. Hammerstein Purgshtal in Austria, AL David's, JW Redhauz and others in the UK, T. Zenker, W.Bang and others in Germany (where in 1887 was established in Berlin Seminar of Oriental Languages), A. Pann, A. Kotula and others in Romania. Only with the 2nd half of the 19th century. Western scholars paid attention to the other Turkic languages: Chuvash, Kazan Tatar, Kumyk (Z. Gombots, B. Munkácsy, Prelov and others in Hungary), Uyghur (G. Raquette, then G. Jarring in Sweden); Türkology problems developed in connection with the Ural- Altaic linguistics MA Castrén, HJ Ramstedt, A. M. O. Räsänen in Finland. In Denmark W.Thomsen in 1893 found the key to the reading of ancient Turkic runic inscriptions [Turkic in Russia and the USSR]

Early contacts with the eastern Slavs Turkic tribes incurred before the formation in the 9th

century. Kievan Rus led a working knowledge of the Turkic languages, which is particularly strengthened during the Mongol invasion in the 13-15 centuries and supports the need for relations with the Golden Horde. There are official translators interpreters of Turkish Kazan Tatars and Crimean Tatar languages (late 15th - early 16th centuries), Turkic words interpreted among other foreign words in Azbukovnik. All this led to an interest in history, ethnography, languages of Turks and contributed to the birth of scientific Türkology in Russia. Organisation of Petersburg Academy of Sciences 18 expedition to explore Siberia, the Volga region, the Caucasus, Central Asia, especially second academic expedition 1769-74 played a significant role in organization. "Comparative dictionary of all languages and dialects..." (Vol. 1-4, 1790-91) included words from 279 languages, including lexical material of 19 Turkic languages and dialects. Dictionary included materials from numerous handwritten dictionaries (for example, "Russian - Tatar dictionary» S. Halfin, 1785 "Dictionary of Damascus" 1785 ; anonymous handwritten " Chuvash language dictionary ", which included about 30 thousand words, 1785 and others). From the 2nd half of the 18th century. There are secondary schools, which taught the Tatar language (Kazan, Astrakhan, Moscow, Omsk, Tobolsk). "Alphabet and Grammar Tatar language..." Ibrahim Halfin (1809) was, along with " Grammar of the Tatar language..." Giganova II (1801), one of the first textbooks of its kind in Russia; It was described by the grammatical structure by (mainly morphology) Chuvash, Tatar, Turkish, Azerbaijani, Uzbek, Altai, Kazakh, Tuvan, Tofalar languages, the language of a number of monuments.

Gradual involvement in the focus of interest of researchers is more languages and deepening studies themselves did Türkologists to mid-19th century and independent regions, including its development in the sphere of linguistics in general, especially in comparative historical perspective. Prominent role in the development of Turkic Studies played the activities of scientists who taught in religious schools (Ilminsky, Sablukov, Malov), as well as Orthodox spiritual missions. A significant event in the development work was Türkology Betlingk "On Language of Yakuts " (published in German under the title «Über die Sprache der Jakuten», 1851) and "Grammar of Altai "Ilminsky VI Verbitsky, MA Nevsky (Macarius) (1869). In the 60 -ies of the 19th century Radlov began his scientific activity, whose name is connected with fundamentally new stage in the development of national and world Türkology. At this time in orbit research were not only involved the living and the dead Turkic languages, but began their systematic comparative study, including the study of ancient monuments and averaged writing, drafting was undertaken to pan-Turkic dictionaries, etc. In 1859-71 Radloff studied languages, folklore, ethnography, archeology peoples of the Altai and Western Siberia; in 1866 came the 1st volume of the series "Samples of folk literature northern Turkic tribes"; in 1882-1883 they were published in the German language " Comparative Grammar of the northern Turkic languages, Part 1. Phonetics". From 1859 a scientist working on the fundamental work "Experience dictionary of Turkic dialects, including translations of all known at the time of the Turkic languages and dialects (c. 1 came out in 1888, edition completed in 1911, 24 issues combined in 4 volumes). Radlov made a great contribution to the study Radlov monuments of ancient Turkic writing: he published in 1894-95, 1897, 1899 series of " Ancient inscriptions of Mongolia", which contains the text of the monument, their translation, dictionary and grammatical sketch. In the history of the study of ancient Turkic monuments occupy a special place and the student works of Radlov

To improve the coordination of research in the field of Turkic Studies, as well as to strengthen the international contacts and scientific cooperation with foreign countries Türkologists in 1973 at the Department of Literature and Language.

In the United States Turkology originated in 30s 20 and began to develop rapidly in the 50 - 60s. Mainly by attracting turkologists from Europe and Turkey; with their help it put Turkic languages into teaching at Columbia University, Harvard University and is located at the Center for Middle Eastern studies, the University of Los Angeles, Indiana University and others. Indiana University publishes 1960 «Uralic and Altaic series», where printed manuals on Uralic and Altaic languages, including and in Turkic. Turkic in Japan, which had a long tradition, revived after the 2nd World War. Japanese Orientalists together at the Institute of Culture { 东方学会 }, founded in 1947 with offices in Tokyo and Kyoto.

As a result of Turkic linguoarcheological research it became clear that the standard theory of the great migration of peoples was invented. For example, in the traditional historical science assumed that resettlement Turkic nomads in the IV-V centuries. BC of Altai on the Black Sea began the great migration of peoples. Turkic linguoarcheological proved that the Turks a few thousand years

ago BC were distributed around the Black Sea.

The ancient name of the Black Sea in the extant Greek sources. The Greeks called it the Pont Euxenos, i.e. Pontus Euxine letters. Pontus hospitable. Pont - the Turkic name meaning 'charming, rich food feeder'. Bün - Mahmoud Kashgariy 'chowder, soup or food.' Punta word / bunly 'rich food', 'charming'. On the history of Greek colonization, we know that the Greeks in VII. BC Turkish Black Sea expanded settlements in Phanagoria Pantikapaion. Fanogoriyu long before the Greek colonization of the Turks built onogurs (hunogury), so this locality named as hunogur. In Greek, the sound [h] No, He passed as [f], so the word hunogur > honogur Greek sounded like Fanogoriya.

Sebastopol city stood on the Kerch Strait, it closes and opens the way to Pont, so called gate Ponta, Turkic: Pontykapy > Pontikapey later the city received another Turkic name: Koros, i.e. entrance to Pont, which phonetically changed as Kerch. Turkic linguoarcheologicals allowed to conclude that attempts to determine the ancestral homeland of the Turks (and other peoples) is untenable. Before proceeding to the presentation of different opinions about the ancestral home of the Turks, a few words about the ancestral home of the modern Tatars. Some historians who study the history of the modern Tatar people, based on the fact that this nation is the ethnonym Tatars, identify it with the Mongol-Tatar invaders and consider the immediate ancestral modern Tatars ancient Mongolia and its surroundings. And some Tatar historians headed by deepening this misconception proudly identified themselves and their people to "the great Tatar invaders". But this is sophomoric. After all, the Mongol-Tatars destroyed the rich state of the Bulgars - the ancestors of modern Tatars. Latest from the Mongols did not receive any anthropological or linguistic or cultural differences.

Widespread and another misconception some turkologists. According to their assumptions, Turkic ancestors of modern Tatars appeared in the Ural-Volga region supposedly only in the VII century AD, if they came here from the Altai Turks ancestral home.

The name Turk has entered into our environment by intellectuals in the late nineteenth and early twentieth century. In Türkology as the ancestral homeland of the Turks pushed over ten regions: 1) Altai 2) North and Northwest China 3) region of the Tien Shan mountains 4) Front Asia 5) Western Asia 6) Central Asia 7) North West Siberia 8) Pribay - Calle 9) Mesopotamia Irtysh and Ural 10) of the Ural-Volga region 11) Eastern Euro. For leading Türkologists time folding all ancestral home, except Altai, referred to as V-IV millennium BC, and the lifetime of the Altai ancestral homeland recognized VI-VIII centuries. BC, when there could be no ancestral home no people. Clearly, the ancestral home of the opinion of the Altai Turks appeared as a result of mixing of the people with its name, i.e. inability to distinguish the sign from its semantics as required by science semiotics. Indeed, the name Türk spread as a common name only in VI-VII centuries. BC during the reign of two Turk Empire and Turkic tribes lived under other names in the same place where they are common, many tens of thousands of years ago. If you consider that you must create a Turkic language found in some languages of the American Indians, whose ancestors came to the American continent from Eurasia 30-20 thousand years ago, we can assume that the Turkic language (of course, then it was called differently) was formed even earlier, maybe 50 thousand years ago. Consequently, the old doctrine of the ancestral home of the Turks and the time of its formation does not correspond to reality.

Definition of the ancestral homeland of Turks Türkologists engaged directly influenced by Indo-Europeists. Indo-Europeists Türkologists and no matter how much we try to define the ancestral home of his people, none of them still failed. In addition, recognition of the ancestral home involves finding there a tribe without mixing with other tribes, which eventually would lead to his biological extinction. Ancient tribes knew about it and so arranged special events, holidays, to establish a process of interpenetration tribes. Need for biological mixing tribes among themselves conflicts with the recognition of having ancestral home nations. Likely ancestral home of peoples did not exist.

Wiser, more research would suggest that the various tribes - the ancestors of all peoples, including Turkic tribes before the advent of productive labor in the absence of states and their borders in search of natural food were distributed around the globe (and the Turks - across Eurasia) and lived alternately with other tribes. The mixing process is facilitated. Somewhere Turks assimilated other tribes and non-Turkic regions formed there; Turks assimilated somewhere other, eventually there formed the Turkic regions.

Territory, where for thousands of years lived and still live, for example, roman languages nations are regions roman languages tribes and peoples. In these regions, of course, lived and Germanic, Slavic, Turkic, and other tribes, but later they assimilated among the most Romanesque.

Regarding Romanized Turks, then they were treated Süns / hoon / unu that in the II millennium BC lived among Romans. In the III millennium BC near the town of Vichy France lived Turkic tribes that were left there so called Glozel Turkic inscriptions.

The Apennine peninsula in I millennium. BC Turkic Etruscans had a high civilization, have made an enormous contribution to the cultural development of this region, but due to the small number of disappeared in Latin Rim ethnicity. Territory, where for thousands of years lived and now live Slav tribes and peoples belong to the Slavic regions. Here they multiplied and assimilated many Turks, Finno-Ugric peoples and other non-Slavic tribes.

Territories, where during the last millennia have lived and now live in Turkic tribes and nations are Turkic regions. As a result of the breeding of the Turks and other non-Turkic assimilations their tribes in IV millennium BC predominantly Turkic began the following regions: North- Eastern Siberia (Yakutia and its vicinity), South- Eastern Siberia (Tuva Republic and its vicinity), South- Western Siberia (Altai Territory), Western Siberia, Central Asia Uyghur part, Medium Applying the front, Asia Minor, the eastern part of the Balkan Peninsula, Eastern Europe. But as a result of aggression of the Mongol -Tatar conquest teley cohesion Turks significantly weakened, leading to what some of the Turkic regions gradually became not Turkic.

REFERENCES

1. Oriental funds the largest libraries of the Soviet Union. Articles and reports, Moscow, 1963;
2. Livotova OE, Portugal VB, Oriental Academy in publications. 1726-1917, Moscow, 1966;
3. AN Kononov, Turkic philology in the USSR. 1917-1967, Moscow, 1968
4. Asian Museum - Leningrad branch of the Institute of Oriental Studies, Moscow, 1972 ;
5. Baziyants AP, Lazarev Institute of Oriental Studies in the history of Russian, Moscow, 1973;
6. Bibliographical dictionary domestic turkologists, Moscow, 1974;
7. Miliband SD, Bibliographical Dictionary of Soviet Orientalists, Moscow, 1975.

STRUCTURAL ANALYSIS OF KAZAKH COMPARATIVE IDIOMS DESCRIBING PHYSICAL APPEARANCE AND AGE OF PEOPLE BASED ON G.SMAGULOVA'S DICTIONARY "MAGYNALAS PHRASEOLOGISMDER SOZDIGI" (DICTIONARY OF SYNONYMOUS IDIOMS)

¹Sultanbekova S. A.

²Nurtlessova Diana

Kazakhstan, Astana

¹senior lecturer of Foreign Philology Department,
L.N.Gumilyev Eurasian National University

²4th year student of Foreign Philology Specialty at
L.N.Gumilyev Eurasian National University

Abstract. *This article studies a lexico-grammatical analysis of Kazakh comparative idioms describing physical appearance and age of people based on G.Smagulova's dictionary "Magynalas phraseologismder sozdigi". The lexico-grammatical analysis helped us to identify the most typical grammatical and syntactic structure of Kazakh comparative idioms describing physical appearance and age of people. In addition, the results of our research allowed us to make conclusions on grammatical characteristics of comparative units describing appearance and age and define them as separate subspecies of comparative idioms in Kazakh language.*

Keywords: *Kazakh comparative idioms, lexico-grammatical analysis, research, dictionary, appearance, grammatical characteristics.*

The aim of the article is to make a lexico-grammatical analysis of Kazakh comparative phraseological units describing physical appearance and age of people based on G.Smagulova's dictionary "Magynalas phraseologismder sozdigi"(Dictionary of synonymous idioms).

We put forward the following objectives to solve:

- To collect comparative idioms describing appearance and age of people in Kazakh from G.Smagulova's dictionary "Magynalas phraseologismder sozdigi" (Dictionary of synonymous idioms);

- To identify lexico-grammatical characteristics of comparative units describing appearance and age;

According to I.I.Chernysheva as comparative idioms, we understand stable and reproducible combinations of words, whose phraseological specificity is based on the traditional comparison of the stable combinations of words that consist of two comparative components. (1;48)

Comparative idioms include images of reality. Each idiom develops with flow of time in certain community, and they serve as images that are familiar to each member of the language community and idioms are preserved from generation to generation. For example: атқан тандай (atkan tandai; meaning in English- to look beautiful)

Structural originality of comparative idioms is that the characteristic properties or action takes place through the comparison group. Comparison group characterizes the property through a concrete image, which shows a comparison presented as quality. Thus, comparative idioms always have two components (2; 99):

- 1) The first component (basis), the object of comparison;
- 2) The comparative part;

For example: жерден жеті қоян тапқандай қуанды (jerden jety koyan tapkandai; translation- to feel happy like finding seven rabbits from an earth, meaning- to be in seventh heaven, to be happy);

The distinguishing feature of comparative idioms in languages is that they are firmly fixed with adjectives, verbs, nouns and participles. Concerning to what parts of speech act as the first component (object of comparison), Sabitova M.T distinguished the following types of comparative idioms.: 1) Verbal CI 2) Adjectival CI; 3) Substantive CI; 4) Participial CI; 5) Phraseological phrases

In addition, according to Konyrov T. there exist following characteristics of Kazakh comparative idioms such as lexica-grammatical, structural-syntactic, semantic-stylistic. It is important to note that, Konyrov T.(4;391) claimed that, Kazakh comparative idioms are formed in 3 ways: 1) with help of suffixes –дай /дей(dai/dei), тай/ тей(tai/tei), дайын/ дейін,тайын/ тейін(dayin/deyin,tayin/teyin) suffixes; 2) ша/ ше (sha/she) suffixes; 3) секілді, сияқты, тәрізді(sekildy,siyakty,tarizdy) words. According to him, 70% of all comparative idioms in Kazakh language are formed on the first way. Although, according to Sabitova.M.T, (2; 100) Kazakh comparative idiom group mainly consists of verbal idioms (47%), while the second group is adjectival (35%).

In our research, we analyzed comparative idioms describing appearance, age on lexica-grammatical level. Lexica-grammatical analysis of comparative idioms describing the appearance, age based on G.Smagulova's "Magynalas phraseologismder sozdigi" (Dictionary of synonymous idioms) dictionary showed following results:

1. Verbal CP (7%): жүйрік аттай ойқастап(zhuiruk attai oikastap; translation- to walk as a horse; meaning- to walk gracefully as a horse)

2. Adjectival CP(14%): алтын асықтай(altyn asyktai; curvy feminine body)

3. Substantive CP(52%):жұдырықтай бала, қаршадай (қарғадай) бала, қаршадай басынан(zhudyrykhtai, karshadai bala; to be tiny, little child)

4. Participial CP(25%):атқан тандай(atkan tandai;translation- to be like dawn; meaning- to have pure, innocent looks); жаңа туған айдай (zhana tugan aidai; translation- to look like a newborn moon; meaning- to have attractive face); он төртінде туған айдай(on tortinde tugan aidai; translation- to be born on fourteenth month/moon; meaning- to have attractive face)

5. Phraseological phrases: айдай аузы,күндей көзі бар(aidai auzy,kundeı kozi bar; translation- to have the moon's mouth, and the sun's eyes; meaning- to look beautiful);арыстандай айбатты, қабыландай қайратты(arystandai aibatty,kabylandai kairatty; translation- to be brave as lion, and powerful as tiger; meaning- to be strong, usually regarding males)

Lexico-grammatical analysis of comparative idioms describing the appearance, age based on G.Smagulova dictionary showed that the most typical structure is substantive comparative idioms (52%), followed by participial idioms (25%), verbal idioms(7%),adjectival idioms(14%). According to our results based on analysis of dictionary by Smagulova.G, one can see that, in comparative idioms describing the appearance and age somewhat stronger development of the noun,as it serves as an object of comarison.It is important to note that the dictionary contains 6000 idioms, from which 450 idioms describe physical appearance and age.

Secondly, we analyzed syntactical structure of comparative idioms describing the appearance and age. We used the structural analysis made by Sabitova.M. on German and Kazakh phraseological units. We altered her analysis to suit our examples, and used the following abbreviations in order to define syntactical structure of comparative idioms describing appearance and age: V-verb, Vc- verb in comparison; N-noun, Nc-noun in comparison; A- adjective, Adv-adverb, P-participle, Pc-participle in comparison, Z-numeral.

We investigated 19 structures of comparative idioms describing the appearance and age based on G.Smagulova's dictionary. As can be seen, the structure of the comparative idioms describing the appearance and age in Kazakh language allows us to conclude that the first (object of comparison) and

the second (comparative part) phraseological idioms are joined using the comparative suffixes дай/дей,тай/тей(dai/dei,tai/tei) (97 %), дайын (dayin)(3 %).

Table 1. Structural types of Kazakh comparative idioms describing appearance and age based on Smagulova G. "Magynalas phraseologismder sozdigi" (Dictionary of synonymous idioms) dictionary

Adj+Nc+V	Жүйрік аттай ойқастап(zhuiruk attai oikastap; meaning- to walk gracefully)
Adj+ Nc	Алтын асықтай(alтын asyktai; curvy feminine body)
Adj+P+Nc	Жаңа туған айдай(zhana tугan aidai; beautiful)
N+Nc	Белі қылдай(bely kyldai; slim)
N+Adj+Nc	Қырдың қызыл гүліндей(kyrdyn kyzyl gulindei; rosy look)
N+V+Pc	Ауызға үріп салғандай(auyzga urip salgandai; beautiful)
N+Nc+P	Лашын құстай гүйілген(lashyn kustai tuilgen; beautiful)
N+N+Nc	Бұлшық еті тоқпақтай(bulshyk rti tokpaktai; muscular)
N+N+Pc	Көргеннің көзі тойғандай(korgennin kozi toigandai; attractive)
N+P+Nc	Ит кемірген асықтай(it kemirgen asyktai; too skinny)
V+V+Pc	Сойып қаптап қойғандай(soiyp kaptap koigandai; ugly)
Nc+Adj	Өрімдей жас(orimdei jas; young)
Nc+N	Жұдырықтай бала(zhudyryktai bala; tiny child)
Nc+N+V	Қаршыдай бойы бар(karshydai boyi bar; tall)
Z+N+Nc	Бір судың тамшысындай(bir sudyn tamshysyndai; similar,alike)
Z+P+Nc	Он төртінде туған айдай(on tortinde tугan aidai; lovely face)
P+Nc+V	Толған айдай толықсып(tolgan aidai tolyksyp; curvy feminine body)
P+Nc+P	Түрген тайыншадай мұрынданған(turgen tayinshadai muryndangan; unattractive)

In addition, from our research based on G.Smagulova's "Magynalas phraseologismder sozdigi" (Dictionary of synonymous idioms) dictionary, we see that, in respect of the first components, verbal idioms can express the grace of movement, the state of the process, adjectival comparative idioms - the color of face, quality, appearance, intrinsic properties of person, substantive comparative idioms - body parts, shape etc. The first component that is object of comparison, which combines sustainability comparison, i.e., the second component, commonly referred to as syntactical or phraseological related items. To sum up with scholar's utterance: "Phraseological comparative turnover can occur only in conjunction with the syntax element, because only this interaction transforms comparison to the intensification, that is the essence of the transformation to sustainable comparisons or comparative idioms" (3;225).

To sum up, our analysis leads to the following conclusions: lexica-grammatical and structural-syntactic characteristics of comparative units describing the appearance, age allows defining them as a separate subspecies of comparative idioms in Kazakh language. In addition, comparative idioms include images of reality. Each of the comparisons generated due to centuries experience of the nation. Also, the lexica-grammatical analysis of the comparative idioms describing the appearance and age in Kazakh language based on G.Smagulova's dictionary, allowed us not only to define their lexica-grammatical characteristics but also, to identify the most typical structure(substantive comparative idioms 52%),and 19 syntactic structures. Overall, the originality, allowing comparative idioms describing the appearance, age to allocate among other phraseology is the result of the interaction of structural, lexica-grammatical, and expressive factors.

REFERENCE

1. Чернышева И.И. Актуальные проблемы фразеологии.М.: Высшая школа, 1970. Chernysheva I.I. Aktualnye problemy phraseologii. M: Vyshaya shkola,1970.
2. Сабитова М.Т. Основы немецкой и казахский фразеологии.Алматы: издательство КазГУМОи МЯ им.Абылайхана,1999. Sabitova M.T. Osnovy nemeckoi i kazahskoi phraseologii.Almaty: izdatelstvo KazGUMOi MYA im.Abylaihana,1999.
3. Глазырин.Р.А. Сопоставительный анализ компаративных фразеологических единиц в современных германских языках, на материале английского и немецкого. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. Glazyrin.R.A.Sopostavitelnyi analiz komparativnyh phraseologicheskikh edinic v sovremennyh germanskikh yazykah,na material angliiskogo i nemeckogo. Avtoref.dis. kand. Philol.nauk.M.,1972
4. Қоңыров.Т.Тұрақты тенеулер сөздігі. Алматы: Арыс,2007. Konyrov.T. turakty teneuler sozdigi.Almaty: Arys,2007.

MARKING OF SYNTACTIC SYNONYM AND THE CAUSE OF THEM

Teacher: Gafarova Sh. X

Chair of foreign language, Tashkent state technical university

Abstract. *In this manual, including some of the common syntax of synonymy appearance support synonymous with the form of binding equipment and related devices special attention. Teachers, students, language learners try to learn the language, the culture and skills of a person to create an perfect speech option for the main purpose of the guide is to help them syntactic analysis scale units, synonyms units are incorporated in the pumps.*

When grammatical synonym is noted, A lot of things are checked. For example: oral speech, uniqueness, meaning, main point, connection with oral speech, comparing with oral speech, dividing. On the other hand, there is form of synonym in marking syntactic synonym too. Synonym there are a lot of type in dividing syntactic. It's important that choosing basic factor in marking grammatical syntactic synonym.

Until now, grammatical scientists have been noting equality of synonym's meaning, common thing of synonym's meaning in marking syntactic synonym. There are a lot of scientists such as Y.D.Apresyan, G.I.Rixter,I.P.Ivanova,V.A.Grenka,S.G.Berejan,M.Mirtojiyev,Y.Tojiyev in top of scientists example. Their main character is marking common meaning and equality of meaning. It is included example academic professor A.Xojiyev, R.Jumaniyozov, Y.Tojiyev.they said that "Synonyms are two word's equal meaning and using different ways".(A.Xojiyev Uzbek language's synonym's dictionary1974y; Y.Tojiyev. Uzbek language affixal word's 1974 Tashkent)

It's detailed that marking syntactic synonym,equal meaning is important. Also it's necessary to use in place of syntactic synonym in oral speech. There are some scientists in grammatical branch who encourage marking syntactic synonym in grammatical structure. They are M.I.Kovutonova, I.I.Revzin, M.P.Ivanova, I.P.Vonikurov.

In marking syntactic synonym, a lot of scientists, such as M.A.Ismulina, M.F.Palevskaya, A.A.Isumilina pay attention equal meaning of syntactic synonym. I.I.Revzin, A.B.Utkin, D.V.Fetisova, Y.Tojiyev make stress using different ways of syntactic synonym. They say that in syntactic synonym should be different meaning other wise, it will be two equal words.(Y.Tojiyev Uzbek language's affixal synonym,1991y Tashkent).

Actionally, there are many reasons being the same meaning's words in oral language. However, if there are being the same meaning's word in oral language, one of these will not be used in oral language in the future. Because, in oral language being the same meaning words, there are not needs two the same meaning words in oral language. For example: your peace is neighbour's peace, if you're peace,your neighbour is peace, being your home peace,your neighbour will be peace.If they are not differences in using oral language, almost of these will not be usefull. They are used for a lot of categories such as meanings,feellings,forms. They supply with sense of influence,differences in oral language. In fact that in marking grammatical syntactic synonym should be common things of different meanings, being differences of using forms.

These basic rules is important in affixal synonym and syntactic synonym. It's necessary to divide into there groups in linguistic. They are affixal synonym,lexical synonym,syntactic synonym. There are some groups in each sort of linguistic synonym:

- a) Word's synonym
- b) Phraseologic synonym

There are a lot of different things in dividing synonyms between scientists. For example, professor P.Qo'ngurov pays attention that he marked syntactic synonym as affixal synonym and being as synonym teacher of students with students' teacher.(P.Qo'ngurov.made affix and additional things in nouns.dissertation of professor.1984y Tashkent.). However,professor.Y.Tojiyev says that "there are not the same meanings between case endings with endings of changing words.there is only functional things In such as endings. I think the second one is right,because, "of" and "s" is functional things in sentences. It's detailed that syntactic synonym is used between syntactic synonyms' constuctions. In These constructions is seen common meaning of words. But, there are some differences meanings of words, forms of words and we can use to change both ones in sentences.

ФИЛОСОФИЯ И ЭСТЕТИКА БУДДИЗМА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

канд. филос. н. Кульбижеков В. Н.

Российская Федерация, г. Красноярск
Сибирский федеральный университет (СФУ)

***Abstract.** Buddhist philosophy nowadays attracts more and more attention of scientists, philosophers and people of different faiths. And this is understandable: Buddhism distinguishes a special relationship to the person, society, as well as an amazing tolerance that can be the ideal model of a multicultural development of modern society.*

Passion for the philosophy of Buddhism, due primarily humanistic view of man and his inner life as the supreme value, can be considered as one of the factors contributing to social stability, which is very important for our modern world.

Keywords: Buddhism, attitude, spiritual values, self-knowledge, humanity, benevolence, tolerance.

Всемирная история таит немало загадок. И самое удивительное нередко происходит не где-то там, в экзотических местах, а рядом с тобой. Так, настоящей «terra incognita» может считаться моя малая родина, моя Сибирь. Мир сибирских народов таит множество неразгаданных тайн. Многие вещи, происходившие и происходящие на нашей земле, до сих пор не всегда доступны пониманию, не всегда поддаются рациональному объяснению. К числу таких удивительных вещей относится особое мироощущение, основанное на древних верованиях шаманизма, а также на буддистской философии и эстетике.

Любое поверхностное, неглубокое знакомство с иной культурой часто ведет к недопониманию, искажению существенных моментов. И буддистские доктрины, перенесенные на сибирскую почву, до сих пор остаются неисследованным, малоизученным, загадочным феноменом. Улавливаются, как правило, некие несущественные моменты, ядро же всегда остается тайной.

Возможно ли вообще умозрительное постижение духовных практик, тех самых, на которые посвященные тратят всю жизнь? Вопрос риторический, но необходимость постижения и проникновения в сакральный мир древних культур все чаще воспринимается не как досужая блажь, а как жизненная необходимость. В погоне за комфортом и удобствами мы разучились чувствовать, понимать жизнь, ее живые токи, ее пульсирующую основу. А между тем великая философия древних культур, проникновение в ее тайны — действительно живительный источник для наших современников.

Постараемся внимательнее присмотреться к основам буддизма. Прежде всего поражает в нем почти полное отсутствие миссионерской патетики, стремления во что бы то ни стало привлечь паству и убедить ее в собственной непогрешимости и правоте. Уживчивость буддизма с разными конфессиями и культурными моделями не может не поражать. Основные положения учения буддизма не противоречат ни высокотехнологичному инновационному обществу, обществу новых технологий, ни замкнутому аскетичному образу жизни, ни творческому порыву, ни мирному «срединному» существованию. Признание мира таким, каков он есть, дает более широкие горизонты к его осмыслению, пониманию и признанию. Вместе с тем буддизм дает осознать, что обыденная круговерть еще не есть весь мир. Всегда остается что-то за пределами нашего восприятия и познания, и это «что-то» как раз и определяет наше бытие...

...когда за правду ложь сочтут,
тогда и правда — ложь,
когда ничто есть бытие,
и бытие — ничто¹

1 Надпись над аркой «Вход в область небесных грез» // Цао Сюэ Цинь. Сон в красном тереме.

Жизненная круговерть — это отображение высших процессов, на которые человек, если по-настоящему захочет, все же может влиять. Величайшей заслугой буддизма следует признать погружение в глубины человеческого сознания, погружение в процесс самопознания. Буддизм призывает остановиться, осознать, что мы гонимся за химерами, которые никогда не смогут дать нам счастья, дать ощущение полноты бытия. Широкие горизонты откроются лишь тому, кто полностью способен отринуть эгоистические потребности, жить в мире с самим собой и людьми.

Современный человек устал от постоянных обещаний лучшего, от постоянной гонки за чем-то: богатством, славой, признанием и пр. Гуманистический потенциал буддизма заключается в том, что путем самопознания, самопогружения человек способен изменить свое бытие и быть счастливым, то есть достичь гармонии с Универсумом и постичь смысл жизни. Помощь и надежда всегда нужны человеку, но буддизм превыше всего ставит все-таки самого человека, его волю, его сознание. Мне кажется, именно это качество буддистской философии оказывается актуальным и интересным современному человеку, и потому может и должно быть воспринято современным обществом. Постоянный страх возмездия (земного или небесного) за свои несправедливые поступки для буддизма совершенно чужд. Любая карма (благая или дурная) накапливается, но и в этом случае человек в состоянии изменить свое существование. То есть каждый сам волен выбирать собственные алгоритмы поведения, не зависимые столь уж жестко от общественного мнения. Мне могут возразить: а как же традиционная обрядовость, уклад жизни, церемонии, ритуалы, играющие отнюдь не последнее значение в традиционном буддизме? Соразмерность ритмов социума ритмам природы всегда входила в основной конструкт буддистской этики, буддистской философии. Неизменно благожелательное отношение ко всем, человеколюбие имеют в своей основе не подобострашие, не личную выгоду и корысть, но особое состояние открытости и почтительности ко всем людям.

Понимание нужд другого человека, даже если он открыто не говорит об этом, — характерная черта вообще восточной культуры, но особенно буддизма. Человек может внешне вести довольно замкнутую жизнь, не быть в гуще событий и при этом как никто понимать цель и смысл происходящих в мире явлений. В этом суть особой включенности буддизма в мир людей, мир социальных и природных процессов при всей, казалось бы, внешней отстраненности.

«Двумирие» буддизма можно понимать по-разному, можно вообще не принимать его. Но глубокая убежденность в наличии сверхсущих оснований бытия как раз и придает определенность и уверенность в небесцельности земного существования. В этом парадокс религиозных сакральных практик. Буддизм отнюдь не призывает непременно уйти из мира, выйти на новый уровень самоотрансцендентности. Напротив, призывает найти себя в этом мире, максимально соответствовать природным и социальным ритмам мироздания.

Буддизм в нашей стране имеет свою специфику. Безусловно, он играл и играет немаловажную роль в самопознании этноса, он поистине стал образом жизни для многих. Характерно, что буддизм имеет антиэкстремистский характер, поражает его особая веротерпимость. Признание другой культуры, другого взгляда на вещи, даже другой веры — неотъемлемое качество исконного буддизма. Мировоззрение буддизма неантагонистично в основном и научным представлениям. Будучи древнейшей мировой религией, буддизм, вероятно, потенциально способен стать и мировоззрением, наиболее полно отвечающим самым злободневным вызовам современности. Практически невозможно рационально опровергнуть ни одно положение буддизма. Можно принадлежать к другой религии и одновременно восхищаться и чтить многие положения буддизма.

Но главное, конечно, не это. Главное — образ жизни. Буддизм задает совершенный, гармоничный способ *сопричастности и соучастия* в мире. Достичь сопричастности и соучастия в мире возможно не только и не столько религиозными практиками, но именно образом жизни. Но и религиозные практики должны воздействовать на всего человека, на его сознание и мироотношение. Невозможно быть буддистом только в храме, необходимо быть буддистом в жизни. В древнейших практиках буддизма неоднократно подчеркивается этот момент...

Возникает вопрос: что для современного человека в России может дать буддизм? В этом вопросе всегда следует разделять буддизм как мировоззрение, буддизм как философию и буддизм как религию. Рассмотрим ареалы распространения этого вероучения. Страны, исповедующие буддизм, до XX века считались отсталыми, неспособными воспринять специфику западной культуры и образа жизни, а ведь именно западная культура была

провозглашена наиболее прогрессивной. Но дальше случилось нечто невероятное. Страны Дальнего Востока стремительно стали приобщаться к технологиям и ценностям западной цивилизации. И при этом кто бы что ни говорил, традиционные ценности стали стремительно девальвироваться. Но в народе всегда оставалось некое сакральное ядро самоидентичности, что никогда не позволяло этим народам целиком и полностью идентифицировать себя с Западом, с западной цивилизацией, западным образом жизни. И этим ядром, наряду с другими традиционными верованиями (даосизм, брахманизм, синтоизм, конфуцианство, шаманизм), становится буддизм.

Как взаимодействовало учение буддизма с другими традиционными культурами и верованиями? Несмотря ни на что, можно утверждать: в подавляющем большинстве случаев произошло достаточно мирное сосуществование буддизма с другими культурами. Другое дело, как иные религии реагировали на буддистское вероучение. Веротерпимость буддизма очень показательна и очень важна именно сейчас, когда практически любое действие, не только заранее спланированное в качестве провокации, может вызвать неумную вражду и рознь в обществе. Необходимо спросить:

- почему сейчас буддистам удается избежать эскалации насилия и жестокости по вопросам веры;

- возможна ли экстраполяция буддистского опыта и в иные социальные и культурологические плоскости;

- каким образом это можно сделать?

Для нас особая культура терпимости буддизма и буддистов вряд ли окажется лишней. Прежде всего необходимо предостеречь от каких-то одномерных декларативных действий. Вначале необходимо тщательнейшим образом изучить сам феномен буддизма, его актуальность, его влияние. На индийской почве буддизм полностью не искоренил брахманизм, более того, отдельные элементы последнего так или иначе просматриваются и в самом буддизме, ведь и сам буддизм претерпел существенную эволюцию, наполняясь, как сосуд, опытом, обычаями, нравами, традициями других народов. Возможно, буддизм становится столь привлекательным для многих народов именно потому, что был не столь антагонистичен традиционным языческим верованиям других народов, да и сейчас проявляет терпимость и дружелюбие к различным выражениям иной веры. Причина этого кроется и в глубинных основаниях буддистской философии, основные принципы которой практически не зависят от каких-то внешних поверхностных выражений. Отсюда довольно сложно оказывается уязвить чувства истинно верующего буддиста, так как оно лежит за пределами поверхностной обрядовости, сконцентрировано в глубине его души. Все внешнее — майя, все преходящее, «неподвижно лишь солнце любви»². Все это не отменяет ни внешней почтительности, ни обрядовости, ни церемониальности, но все это лишь внешнее выражение человеколюбия, понимания и сострадания. И ни для одного буддиста внешние тряпочки не могут быть выше самого человека, его души и сознания.

Эти важнейшие элементы философии буддизма выстраивают особое мировоззрение, позволяющее не только выжить человеку в весьма тяжелых природных условиях, но и наполнить душу верой, гармонией, стремлением к самосовершенствованию.

В данной статье нет возможности сопоставлять различные течения и направления буддизма, как традиционные, так и новейшие, эклектично соединяющие в себе различные новомодные поветрия (так называемые религии New Age). Важно лишь подчеркнуть, что традиционные ламаистские культы в России распространены на территориях, в которых в меньшей степени распространены проявления религиозной нетерпимости и агрессии. Не все сводится к вопросам религии, но они должны учитываться, как мы теперь убеждаемся, при принятии политических или стратегических решений.

В традиционной культуре Китая, например, довольно гармонично уживались буддизм, даосизм, конфуцианство. Такое положение, разумеется, было достигнуто не сразу. Но ничего подобного, даже отдаленно, «джихаду», крестовым походам все-таки в буддизме не наблюдалось. Это ненасильственное вхождение в пространство иных культур представляется чрезвычайно важным, причем вхождение не внешнее, а берущее и трансформирующее основные элементы традиционной культуры таким образом, что последние воспринимаются уже не как «заблуждение» или ересь, но как некая предтеча, предустановление и предвидение новой доктрины. Естественно в этом случае, что если нет радикального отторжения от прежних культурных норм, то и новое вероучение будет восприниматься как углубление, прозрение в

2 Мы сознательно вставили цитату Владимира Соловьева, чтобы показать, что как бы ни были далеки разные культуры, всегда можно углядеть и некое сверхсущее единство...

новые формы духовного опыта.

Это гармоничное единство, на деле всегда трудно реализуемое, было идеалом многих восточных культур. В этой связи почти абсурдными покажутся споры и дискуссии по поводу того, какое учение лучше. Каждое учение не лучше и не хуже, оно иное, и каждый волен выбирать то, что ему оказывается более созвучно, более необходимо на пути духовного самосовершенствования. Даосские, буддистские, конфуцианские тексты во многом по-разному трактуют те или иные вопросы, но и каждый человек может иметь свою точку зрения, если последняя не противоречит глубинным основоположениям культуры, которые он воспринимает как свою собственную плоть и кровь. Восточный человек может жить изолированно, отдалившись от других людей, сознательно наложив на себя бремя аскезы, послушания, но никогда он не воспринимает себя как некое отделенное от всех других существо. Его народ, его культура неизбежно воспринимаются им как продолжение собственной личности, собственных устремлений и желаний. В этом случае и не может возникнуть столь болезненного самораздвоения личностных и коллективных устремлений, телесных и духовных желаний, дуализм души и тела. Что для меня более ценно: рука или нога, или другая часть тела? В этом смысле восточный человек различные культуры воспринимает как отдельные элементы, части единой большой культуры. И религиозные предубеждения воспринимаются им как органическое продолжение собственной личности, коллективное и индивидуальное для него сливаются в некоем сверхсущем единстве.

Тогда абсурдными и нелепыми оказываются вопросы типа «или — или»: что мне предпочесть, буддизм или даосизм? Но даже в таком предпочтении всегда противоположная точка зрения воспринимается как достойная почтения и уважения, а не как заблуждение и ересь. При внимательном анализе буддистских основоположений выявляется и то, что буддизм практически не противоречит никаким научным представлениям, во всяком случае, в современном его состоянии. Альберт Эйнштейн полагал, что ни одно положение буддизма не вступает в противоречие с научным знанием, и если и будет какая религиозная система, способная пережить тысячелетия, способная идти рука об руку с научным прогрессом, так это будет именно буддизм.

Строгая иерархичность государственных структур предполагает их гармоничное единство. В этом случае разные государственные институты будут выполнять те или иные функции по принципу комплементарности. И буддистское вероучение допускает наличие многоуровневых духовных структур, в которых сам буддизм отнюдь не всегда претендует на лидирующие позиции. Поэтому и в вопросах веры буддизму, как наиболее древней из мировых религий, удалось достигнуть известного компромисса: не стоит насильственно навязывать свою систему ценностей, человек сам должен прийти к ним, пускай он верует в то, что ему в данный момент представляется наиболее ценным. Рано или поздно он придет к вечным истинам. И пускай приведет его к ним другая религия, не буддизм, лишь бы он к ним пришел...

Россия как многонациональная и поликонфессиональная держава опять стоит «на переломе»: что предпочесть, по какому пути пойти, что для нас наиболее ценно. И опять, как встарь, новая эра как «новое средневековье» предлагает человеку сделать выбор: ты «за нас или за них», за традиционные или западные ценности, борец за экологию или за промышленный рост страны? Хочется воскликнуть: доколе мы будем в тисках противоположностей! Неужели нельзя сказать: мы и за сохранение природных богатств, но и за то, чтобы развивать новейшие экологически безопасные виды производства, мы и за интеграцию с западной и восточной культурой, но и не позволим попирать наши собственные выстраданные веками ценности, мы и за возрождение духовности, религиозности во всех его проявлениях, но против публичного «сжигания ведьм», религиозного фанатизма и экстремизма, мы за проявление инициативности, предприимчивости, изобретательности, развития частной инициативы, но против наглого и циничного разворовывания народного имущества.

Не стоит слепо копировать ни западный, ни восточный пути развития, но почему бы не прислушаться к действительно к ценным советам и наработкам, которые уже были осуществлены до нас. Неужели так необходимо каждый раз наступать на одни и те же грабли? Мультикультуралистский подход способен привести к более взвешенным решениям. Страны, исповедующие буддизм, разумеется, не лишены недостатков, однако обладают достоинствами, которые так необходимы именно сейчас нашему обществу. Усиление православия не должно восприниматься как попытка ущемления других религий и конфессий. Буддисты также имеют множество направлений, в каждом из которых всячески подчеркиваются его достоинства, но напрочь отсутствует стремление дискредитировать и унижить иные, «несогласные» с его доктриной положения. Монахи Шао-Линя говорят: у вас есть православие, вот и следуйте ему. По логике же современных политиков и активистов, если человек интересуется или, хуже того, является адептом какой-либо религии, пусть и официальной, признанной, а не какой-то там секты, то он а priori

должен испытывать ненависть ко всем, кто не разделяет его образа мыслей, его образа жизни.

Но это же очевидный абсурд с точки зрения не только буддистов, но и христиан и мусульман. Исследователь религий, даже атеистической ориентации, не может не видеть, как много общего в ценностных позициях различных верований. А вырывать из текста отдельные положения и размахивать ими, говоря: «Вот видите, сколь много экстремизма в ваших, якобы человеколюбивых, учениях», может каждый. Так и слова из Манифеста Коммунистической партии можно представить как пропаганду мистики и эзотерики («Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...»). А Пушкин, как христианин, ни в коем случае не должен был писать «Подражание Корану», ведь это может оскорбить чувства православных, да и вообще: не грех ли христианину интересоваться инородческими религиями? А живопись Возрождения? С современной точки зрения полотна и Рафаэля, и Леонардо, и Микеланджело — это же прямое кощунство! Как можно изображать библейских персонажей в одежде современников художника! Это похоже на то, как если бы сегодня изобразили Христа в джинсах и кожаной куртке...

Буддистские принципы сегодня могут действительно быть полезными, если не вырывать отдельные положения из контекста и не представлять их в виде незыблемой истины. Различие подходов разных конфессий должно укреплять, а не разрушать существующий строй, государственность, общекультурные и общечеловеческие ценности. И должно это проводиться не декларативно, а на деле. И для буддизма духовная практика есть главное, а не схоластические, экзегетические рассуждения. Стоит задуматься: почему в республиках, где исповедуется буддизм, пусть и небольшим количеством людей, гораздо больше толерантности, значительно меньше проблем, возникающих на межнациональной почве и т. д. Возможно, буддизм здесь и не причем, значит, стоит искать иные причины социокультурного порядка, обеспечивающие относительную стабильность общества в этих национальных республиках.

Почему звезды Голливуда и мультимиллионеры вдруг становятся адептами буддизма, ведь явно не путь к успешности их ведет, так как они его уже достигли. Что же привлекает их в буддизме? Привлекает их нечто иное, а именно *образ жизни*, особое неантагонистическое отношение к самому себе и обществу, гармонизирующее внутреннее и внешнее, природу и дух, телесную и духовную субстанцию. Для нас буддистские принципы могут дать не только примеры сострадания, их немало в нашей культуре, но именно примеры терпимости, признания чужой точки зрения, признания того, что к истине можно прийти разными путями. И если человек говорит то, что противоречит нашим мыслям, совсем не обязательно, что он наш враг. Подобная толерантность действительно может стать идеальной моделью мультикультурного развития современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байков А.А. Особенности трансляции представления об иллюзорности феноменального мира из восточной культуры в западную // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 70.
2. Будда, буддизм, буддисты. СПб: Ашрам, 2012.
3. Древнекитайская философия. В 2 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1972.
4. Завадская Е.В. Культура востока в современном западном мире. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.
5. Кульбижеков В.Н. Рациональное и интуитивно-бессознательное в музыкальном творческом процессе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №10 (48) Ч. II. – Тамбов, «Грамота», 2014. – С. 122-126.
6. Кульбижеков В.Н. Понятие в музыке как синтез чувственного и рационального // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №4 (30) Ч. II. – Тамбов, «Грамота», 2013. – С.96-100.
7. Кульбижеков В.Н. Эксперимент и экспериментаторство в духовных устремлениях Ренессанса и Нового времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №3 (41) Ч. I. – Тамбов, «Грамота», 2014. – С.84-87.
8. Кульбижеков В.Н. Рациональные основания музыкального творчества: Механизмы мысленного эксперимента в западноевропейской музыке Нового времени. 2-е изд. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2016. – 200 с.
9. Нидал О. Современное введение в учение Будды: Каким все является. СПб: Питер, 2005.
10. Цао Сюэ-Цинь. Сон в красном тереме. Перевод с китайского. М.: Изд-во Восточной литературы, 1971.

TECHNICAL TRANSLATOR'S ROLES CONCEPT BASED UPON COMPETENCE EVALUATION

Peremitina Mariya

Undergraduate Student of Linguistics, NUST MISIS

Abstract. This article's purpose is to identify the key aspect of a technical translator's professional competence and, consequently, to formulate a technical translator's roles concept. It has been defined that the capability of producing an adequate translation of a technical text roots from one's level of science-pragmatic competency. Its scale allows to state that there would be three roles of a technical translator. These results are definitely novel and, thus, are subjects of both theoretical and practical interest.

Keywords: Technical translation; Translator's competence; Science-pragmatic competency; Technical translator's three roles; Competence evaluation

1. Introduction. Technical translation requires not only profound knowledge of the source and the target language, but also a high level of competence in the scientific field to which the translated text belongs. It is reasonable that one can barely translate something that he or she is not familiar with.

The basic requirements for translators have been studied by such linguists as V.N. Komissarov [1], S.S. Tolstoy [2], B.N. Klimzo [3], V.P. Smekaev [4] and R.K. Min'yar-Beloruhev [5] have introduced some notions towards main principles of a technical translator's practice. However, there are still many things to specify. For instance, although aforementioned competence predetermines the capability of producing an adequate translation and regulates the range of a translator's actions, the exact parameters of its evaluation have not been presented yet. Moreover, the question of a technical translator's place in the author-recipient chain is quite controversial, as it is still undetermined, whether one can be perceived as an equal specialist or not. It seems logical to suggest that there can be various roles of a technical translator, each related to a particular level of one's competence in some scientific field.

Thus, it is reasonable to examine a technical translator's professional competence key aspect and also to introduce a concept of a technical translator's roles along with their main principles and peculiarities.

2. Technical translator's professional competence. As pointed out by B.N. Klimzo [3], V.P. Smekaev [4] and R.K. Min'yar-Beloruhev [5], technical background (e.g. competence in some scientific field or fields) is an indispensable aspect of a technical translator's professional competence. Not only to understand the original text it helps, but also to translate it adequately. The absence of this background may lead to such consequence as misinterpretation and, as a result, faulty translation. Furthermore, it is necessary to take into account some original-based difficulties, such as inaccurate definitions, misprints, terminological lacunas, etc. From the point of adequacy, it is the translator's duty to find them out in order to eliminate any potential errors. Thus, for technical translator being scientifically competent is significant. However, it is certainly impracticable to cover all the scientific fields in order to become a specialist in each of them. Instead, for a technical translator it is reasonable to choose one or two fields of particular personal interest to focus on.

As mentioned above, neither precise definition, nor exact parameters of this competence evaluation have been presented previously. Hence, as this competence deals not only with background scientific knowledge, but also with the skill of its use, it seems rational to define it as *science-pragmatic competency*. Its level would vary depending on various factors, such as presence of specialized technical education and translational experience in particular scientific field.

Thus, science-pragmatic competency of a technical translator can be developed at three levels: the minimum (if no or only the basic concepts of some science are acquired), the medium (if the amount of a translator's scientific knowledge equals to one of a specialist) and the high (if a translator is more qualified than an average specialist).

The possibility of obtaining the medium and the maximum levels of this competency may seem disputable since translators, even technical, are generally considered to have no specialized education except for philological one. This stereotype requires eradication for two basic reasons. Firstly, the presence of philological education does not contradict getting technical one. Secondly, as mentioned by B.N. Klimzo [3], not only "philologists" can translate, but "engineers" as well. This means that translation being produced by specialists with technical education as the first one (and philological as an optional one) is a common case. Considering these two circumstances, the possibility of facing both the medium and the maximum levels of science-pragmatic competency among technical translators is evident.

3. The concept of a technical translator's roles. It has already been stated that a technical

translator's science-pragmatic competency in the context of a particular scientific field can be developed at some minimum, medium, or high level. However, this competency is only a characteristic that would determine a certain translator's position with respect to the author and the recipient of a particular text. Hence, it is also reasonable to assume the existence of three technical translator's roles, which correspond to three levels of science-pragmatic competency respectively.

The first role shall be based upon the minimum level of science-pragmatic competency and display the following features. First, the level of the translator's knowledge in some scientific field is far lower than that of his or her potential recipient (the latter is defined as a specialist in that particular scientific field). Second, the translator can barely understand even the general idea of the text without consulting some relevant sources on the subject. Third, the translator is not competent enough to estimate the adequacy of the original text and, consequently, to decide, whether some elements require adaptation or not. Finally, the client does not really trust the translator and, therefore, consider the latter to be rather an instrument than as a specialist.

Thus, in this case it would be reasonable to determine this technical translator's role as one of a 'slave'. This role would be typical for those translators who lack certain technical education as well as translation experience in that field. In order to overcome its barriers, it is recommended to focus on studying of some particular scientific fields alongside with gaining one's personal experience in translating texts on chosen subjects.

The second role would root from the medium level of science-pragmatic competency and display the following features. First, the level of the translator's knowledge in some scientific field equals to that of his or her potential recipient (a specialist). Second, the translator is able to understand the main idea and also some peculiarities of the original text without any substantial difficulties. Third, the translator is competent enough to estimate the adequacy of the original text. Thus, he or she is able to decide, whether it would be essential to adapt some lexis, grammar and semantic structures or even correct some author's mistakes while producing the target text or not. Finally, the client trusts the translator and, considering the competency of the latter, allow him or her to make some important form- and content-based adjustments in order to improve the target text.

Thus, it is recommended to determine this role as one of a 'peer'. It would be typical for technically educated and well-experienced translators. This stage is, however, not the final one. Although it allows one to produce a translation of good quality, the medium level of science-pragmatic competency can be even increased to a high one. This would display an amount of knowledge exceeding that of an average specialist, which, consequently, would allow the translator to find out some potential difficulties worth not eliminating, but commenting and explaining. In other words, this role corresponds to some pedagogical techniques. Indisputably, this high level of science-pragmatic competency is very hard to gain, as one needs not only to get some specialized technical education and practice translation regularly. He or she must also follow all the news concerning that particular science field in order to know, what terms, abbreviations or even phenomena mentioned in the original text would require some clarifications while being translated. Thus, considering all the aforementioned features of this role, it is reasonable to determine it as one of a 'mentor'.

4. Conclusion. It has been identified that the main aspect of a technical translator's professional competence evaluation is the level of his or her science-pragmatic competency (e.g. the presence of background scientific knowledge as well as the skill of its use). This competence determines the capability of producing an adequate technical translation and can be developed at three basic levels: the minimum, the medium and the high one. Also it has been stated that there would be three roles of a technical translator. These are the role of a 'slave' the role of a 'peer' and the role of a 'mentor', predetermined by the minimum, the medium or the high level of science-pragmatic competency respectively.

REFERENCES

1. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie*. Moscow: ETS, 2002. (in Russian)
2. Tolstoy S.S. *Osnovi perevoda s anglijskogo yazyka na russkij*. Moscow: Izvestiya, 1957. (in Russian)
3. Klimzo B.N. *Remeslo tekhnicheskogo perevodchika*. Moscow: R. Valent, 2006. (in Russian)
4. Smekaev V.P. *Uchebnik tekhnicheskogo perevoda na anglijskij yasyk*. Novgorod: Vektor TiS, 2006. (in Russian)
5. Min'yar-Beloruhev R.K. *Kak stat' perevodchikom?* Moscow: Gotika, 1999. (in Russian)

ABOUT RELIGIOUS SITUATION IN CENTRAL ASIA

Aidaraliev Amantur

*Kyrgyz Republic, Bishkek
Eastern University named after Mahmud Kashgari-Barskani*

Abstract. *This article describes a number of religious objects in Central Asia in Post-Soviet period of democratic reformations. Also the amount of religious objects in Kyrgyzstan in the ratio with growth of the population is considered. Information on religious institutions is taken from materials of the state organizations (statistical data on the population, development of religious institutions), in article also references are used. Also it is analyzed the data of number of religious institutions given about a ratio with the republics of Central Asia, with population. The saturation and a variety of confessional space some countries of Central Asia testifies to high degree of the religious freedom reached for years of democratic transformations. At the same time, prerequisites for emergence and an aggravation of interfaith contradictions and the conflicts, generally because of competitive fight for influence in society are created. The religious variety was created for the account: firstly an exit from an underground or the renewal of activity of a number of the religious directions which have earlier not gained official recognition and pursued by the state; secondly disintegration processes and split in traditional religion in region; in the third, vigorous missionary activity of foreign religious organizations, generally Protestant and pseudo-Protestant orientation, penetration into the country of the so-called new religious movements (NRM) of the western and east origin, and also wider circulation of earlier traditional religions in Central Asia. As a result the confessional pluralism became an important distinctive feature of a modern religious situation in the Kyrgyz Republic and in the countries of Central Asia.*

In general when carrying out religious policy in the region it is necessary to adhere to the international standards and standards the restrictive provisions entered in some republics haven't affected the rights of believers.

Keywords: *Religion, Central Asia, oppressions, society.*

After collapse of the USSR in Central Asia the sharp growth of religious institutions connected with falling of communistic system that is connected with weakening of atheistic policy has begun.

We have analyzed information on religious institutions in Central Asia on the basis of materials of the state organizations (statistical materials about the population, development of religious beliefs and establishments) used also references.

The state and religious relations develop in essentially new social and political conditions with development of democratic reforms in independent in the Central Asian republics. They are under construction on the basis of democratic standards of public life, providing a freedom of worship of the citizen. Novelty of a situation demands adequate, answering to modern social and political realities, approaches in implementation of interaction of the state and its bodies with the religious organizations believing of improvement of the standard and legal base based on recognized rules of international law, international treaties.

The saturation and a variety of confessional space some countries of Central Asia testifies to high degree of the religious freedom reached for years of democratic transformations. At the same time, prerequisites for emergence and an aggravation of interfaith contradictions and the conflicts, generally because of competitive fight for influence in society are created.

The religious variety was created for the account: first, an exit from an underground or the renewal of activity of a number of the religious directions which have earlier not gained official recognition and pursued by the state; secondly, disintegration processes and split in traditional religions in the region; thirdly, vigorous missionary activity of the foreign religious organizations, generally Protestant and pseudo-Protestant orientation, penetration into the country of the so-called new religious movements (NRM) of the western and east origin, and also wider circulation of earlier traditional religions in Central Asia. As a result the confessional pluralism became an important

distinctive feature of a modern religious situation in the republic.

In table 1 the statistics of development of Islamic and Christian religious institutions is given in the republics of Central Asia since 1946 under 2015.

Table 1. Statistics of development of Islamic and Christian religious institutions and the number of the population falling on one mosque in the republics of Central Asia

	Population	Mosques	The number of the population falling on one mosque	Churches
Kyrgyzstan	5.919.700	2816	2130	378
Kazakhstan	17.498.145	2228	7176	299
Tajikistan	8.161.100	4000	2666	80**
Turkmenistan	5.173.943	400	12562	133*
Uzbekistan	31.025.500	2050	15121	175*

*Data 2010; **Data 2009

Sharifov B. and Skorobogaty P.(2015) give the following figures by the number of mosques in the republics of Central Asia. According to them, in Tajikistan over 4 thousand mosques on 8 million people are registered. In 17-million Kazakhstan 2 228 mosques are registered, in Uzbekistan about the population over 30 million people function 2050 mosques, in five-million Kyrgyzstan and Turkmenistan – 2 200 and 400 mosques respectively".

Apparently from the table the greatest number of mosques is observed in Tajikistan Kazakhstan and Kyrgyzstan. Recalculation of number of the population on one mosque shows the following results. In Kyrgyzstan 2102 persons, in Kazakhstan-7386 the person, in Tajikistan - 2720 people, in Turkmenistan-12999, in Uzbekistan - 15134 persons are the share of one mosque.

A large number of mosques in Kyrgyzstan, from our point of view has a talk with rather liberal legislation in the field of religion that differs markedly from other countries of Central Asia where the autocratic modes which strictly control religious life of citizens are in power.

In figure 1 it is presented the number of churches, mosques and in the ratio with the number of the population from 1999 to 2015 in Kyrgyzstan

Thus in the republics of Central Asia significant growth in number of religious institutions is observed that causes concern of heads of the republics. However according to Abdyldayev of M (2015) application of punitive and repressive measures concerning that part of believers whose living position, only formally doesn't coincide with the state point of view, from legal side is difficult feasible, and from practical - it is inefficient because of high probability that in the subsequent such careless measures can, cause discontent among this group of the population that can lead to a bigger split and instability in society.

Heathrshaw J. and Montgomery D.W. (2014) call into question the fact of radicalization of Islam in the region. They write, "Accepting on attention the Soviet heritage for the region laicisation" Islam, than his radicalization is still peculiar rather,".

Mullodzhanov also doesn't agree P.(2015) which considers that, in the Central Asian region don't carry out accurate differentiation between Islamization and radicalization because of what scales and influence of Islamic fundamentalism are significantly exaggerated with the overestimated assessment of radicalization of Islam".

In general when carrying out religious policy in the region it is necessary to adhere to the international standards and standards the restrictive provisions entered in some republics haven't affected the rights of believers.

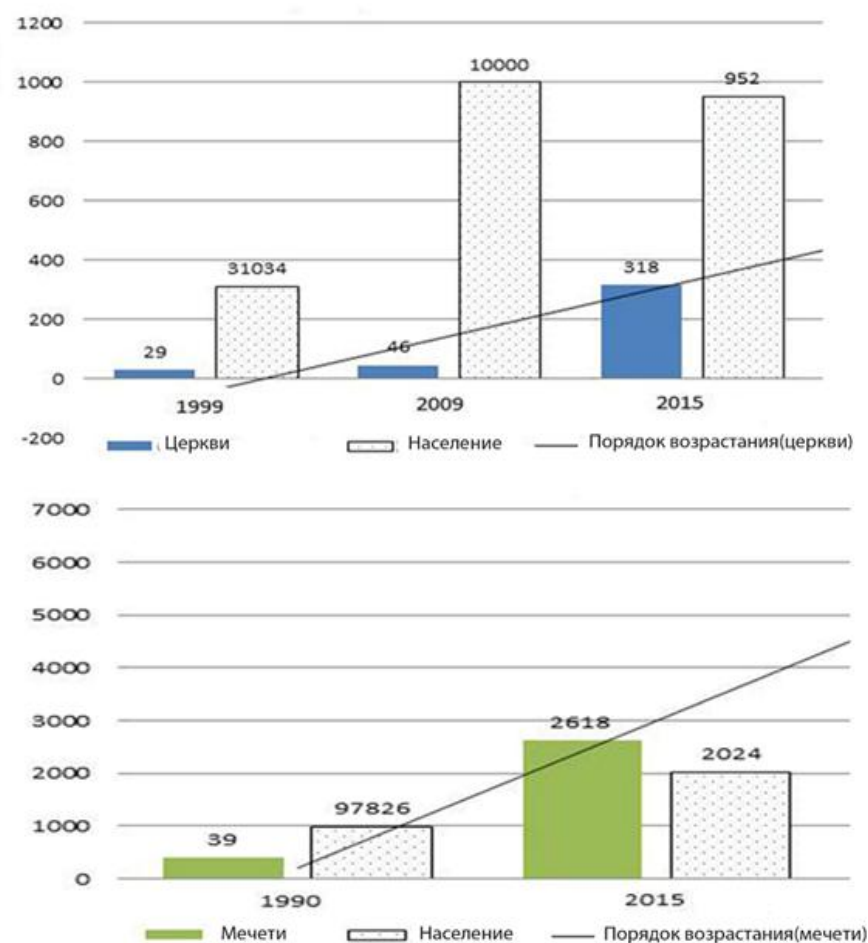


Fig.1

REFERENCES

1. Abdyldayev M. About prevention of religious extremism in Kyrgyzstan. Ala-Too academic studies. No. 4. 2015. P. 58-63.
2. Mullodzhanov P. Whether radicalization of Islam in TsA takes place?. Regional konferention-Religioznaya radicalization in Central Asia: Myths and reality. 2015. P. 6-11.
3. Sharifov B., Skorobogaty Item. The Game in Central Asia. Newspaper, Business Kyrgyzstan".2005. No. 34-35. P. 6-14.
4. Heathershaw J. and Montgomery D., The Myth of Post-Soviet Radicalization in the Central Asian Republics, Russia and Eurasia Programme, Chatham House, London, 2014.

АКТОВЕ И УДОСТОВЕРЕНИЯ ЗА ГРАЖДАНСКО СЪСТОЯНИЕ В РЕПУБЛИКА БЪЛГАРИЯ (АКТ И УДОСТОВЕРЕНИЕ ЗА РАЖДАНЕ)

Докторант *Дмитро Петрович Гергинов*

Югозападен университет „Неофит Рилски“, Благоевград

Abstract. *The article examines one of the few major documents in the life of every person, which has no expiration date. The Statement of Live Birth / Birth Certificate is the main document, on the basis of which other documents such as identity card, passport, etc. are to be issued. In this paper the Statement of Live Birth and the Birth Certificate are considered with regard to several criteria: from stylistic point of view, from a linguistic point of view and in terms of technical design.*

Keywords: *Birth Certificate, Statement of Live Birth, legal basis.*

Обща информация. На 15.12.1892 г. в Княжество България е приет *Закон за забележаване на ражданията, женитбите и умираанията*, в сила от 01.01.1893 г. Този закон става основният нормативен акт, който поставя началото на всички по-сетнешни нормативни документи, отнасящи се до гражданското състояние на поданиците на държавата. Той регламентира въвеждането на регистри за гражданска регистрация, които да представляват официалната документна форма за случило се събитие по гражданското състояние на населението – раждане, женитба и смърт – и да заменят доказването на тези събития чрез свидетели. Фактическото водене на регистрите започва след влизането в сила на *Правилника за забележаване на ражданията, женитбите и умираанията* на 24.03.1893 г. Този закон е отменен през 1907 г., когато се приема *Закона за лицата*, обнародван в Държавен вестник (ДВ), бр. 273/17.12.1907 г. Според новия закон актовете за раждане, женитба и смърт се съставят в общините, в които се е случило събитието, от кметовете, които се определят като длъжностни лица по гражданското състояние. Законът позволява само на навършили 21-годишна възраст мъже да бъдат свидетели, при това само ако имат някакво занятие и постоянен адрес. *Законът за лицата* действа до 1949 г., когато е отменен с влизането в сила на *Закона за лицата и семейството*, обнародван в ДВ, бр. 182/09.08.1949 г.

След края на Втората световна война се издават няколко наредби, които изключват участието на Българската православна църква в изготвянето на документи, регистриращи раждания, женитби и настъпване на смърт. Така чрез обнародването на *Наредба-закон за брака* в ДВ, бр. 108/12.05.1945 г., в сила от 27.05.1945 г., се обявява за единствено валиден само сключеният според описаната форма граждански брак, а „свещенослужителят извършва обряда само след като му се представи препис от акта за женитба.“ (чл.2).

В бр. 23/22.03.1968 г. ДВ публикува *Семеен кодекс*, в сила от 22.05.1968 г. Многократно изменян и допълван той действа до влизането в сила на нов *Семеен кодекс* през 1985 г., който от своя страна е заменен от *Семеен кодекс* от 2009 г. През 1979 г. (ДВ, бр. 75/30.09.1978 г.) влиза в сила *Наредба за гражданското състояние*, отменена с влизането в сила на *Закона за гражданската регистрация* на 27.07.1999 г.

Днешната правна основа за съставяне на актове за гражданско състояние и издаване на съответните им удостоверения в Република България са:

- *Семеен кодекс на Република България*, приет от 40-то Народно събрание на 12.06.2009 г., обнародван в ДВ бр. 47/23.06.2009 г., в сила от 01.10.2009 г.;
- *Закон за гражданската регистрация* (ЗГР), приет от 38-то Народно събрание на 23.06.1999 г. и на 21.07.1999 г., обнародван в ДВ бр. 67/27.07.1999 г.;
- *Наредба № РД-02-20-9* от 21 май 2012 г. за функциониране на единната система за гражданска регистрация, издадена от министерството на регионалното развитие и благоустройството, обнародвана в ДВ бр. 43/8 юни 2012 г.
- *Наредба № РД-02-20-6* от 24 април 2012 г. за издаване на удостоверения въз основа на регистъра на населението, издадена от Министерството на регионалното развитие и благоустройството и Министерството на правосъдието, в сила от 18.08.2012 г.

- Конвенция от 8 септември 1976 г. за издаване на многоезични извлечения на актове за гражданско състояние, ратифицирана от Република България със закон на Народното събрание от 03.10.2013 г., обнародвана в ДВ бр. 91/2013 г., в сила от 18.12.2013 г.

Според изискванията на новия Закон за гражданската регистрация всички томове с актове се пазят в продължение на 130 години, след което се предават на държавния архив. Основните данни за извършване на гражданска регистрация на едно лице са неговите три имена, датата и мястото на раждане, полът, гражданството и задължителният от 1977 г. единен граждански номер – ЕГН.

Удостоверение за раждане

Обща характеристика. За да се издаде Удостоверение за раждане на новородено дете в България, в съответната община трябва да постъпи писмено съобщение от болничното заведение, където е родено детето. При искане за получаване на Удостоверение за раждане родителите представят документ за самоличност и Удостоверение за сключен граждански брак, а при липса на сключен брак се подава заявление за припознаване на детето. Самото Удостоверение за раждане – оригинал се издава веднага на родителя. Такса за издаване на документа не се изисква.

Удостоверението за раждане служи: за удостоверяване на самоличността на деца до навършване на 14-годишна възраст; при постъпване на детето в детско заведение или в училище; за издаване на лична карта на навършило 14 години лице; при подаване на искане за издаване на свидетелство за съдимост; при поискване от поделенията на Здравната осигурителна каса; при поискване от органите на досъдебното производство и следствието за сверяване на данни и идентифициране на лицето.

Техническо и графично оформление. Удостоверението за раждане се издава върху бланка формат А5, рамкирана с геометрични фигури в различен цвят. Отгоре в средата на два реда с главни букви е разположено наименованието на държавата – РЕПУБЛИКА БЪЛГАРИЯ. Под него е поставен държавният герб. На височината на горната част на герба в левия ъгъл на документа се изписват серията и номерът на Удостоверението за раждане, а в десния ъгъл думата "оригинал". Следват на отделни редове, един под друг, в центъра на бланката надписите: Населено място, Община, Област. На всеки ред е оставено място за попълване на необходимата информация. Под тях центрирано и написано с главни букви на два реда е разположено наименованието на документа: УДОСТОВЕРЕНИЕ ЗА РАЖДАНЕ. Непосредствено под него стои датата на издаването му, изписана с арабски цифри в последователност ден, месец, година Например: от 10.09./2014 г. Същинският текст на удостоверението за раждане съдържа трите имена на детето в последователност собствено, бащино и фамилно име, пола, ЕГН, рождената дата цифром (с арабски цифри) и словом в последователност ден, месец, година, месторождението – населено място, община, област /държава/, гражданството, трите имена на майката в последователност собствено, бащино, фамилно с ЕГН и гражданство, трите имена на бащата в последователност собствено, бащино, фамилно с ЕГН и гражданство. Удостоверението за раждане съдържа и информация за правното основание за издаването му: номера и датата на съставения Акт за раждане. В най-долната част на документа се упоменават населеното място, общината и областта на учредението, което издава документа, както и данните за длъжностното лице по гражданското състояние. За правната валидност на документа длъжностното лице се подписва в долния десен ъгъл на документа и поставя върху него гербов печат на общината.

В Акта за раждане в служба ГРАО (Гражданска регистрация и административно обслужване) освен вече посочените данни от Удостоверението за раждане се вписват още: часа и минутата на раждане, както и поредността на раждане на близнаци и повече деца от една майка в един и същи ден. След данните за двамата родители се вписва и документът, удостоверяващ раждането. Най-отдолу се записват данните на длъжностното лице по гражданското състояние С подписа си то удостоверява верността на записаните данни и поставя печата на общината върху него.

В графата „Бележки“ в дясната част на Акта за раждане оторизираното длъжностно лице внася промени в името след сключване на граждански брак или по други причини, Актът за раждане съдържа повече информация от Удостоверението за раждане. Неговото предназначение е да зафиксира в писмен вид в официалните регистри на органите на местната

власт събитието раждане на дете и за тази цел се описват всички съпътстващи данни. От своя страна Удостоверението за раждане като първи документ в живота на човека служи за легитимиране на лицето до навършване на 14-годишна възраст, когато му се издава лична карта като документ за самоличност. Актът за раждане е неделима част от регистрите на съответната община. Следователно: Актът за раждане и Удостоверението за раждане се различават по своето предназначение, мястото и времето за съхранение.

Езикови характеристики на документа. Същинският текст на Удостоверението за раждане е оформен практически в две изречения. Първото гласи:

Удостоверение за раждане от 29 12 /2008 г. На ГЕОРГИ ИВАЙЛОВ МЛАДЕНОВ Пол мъжки, ЕГН 0852.... е роден на 13.12.2008 г. тринадасети декември две хиляди и осма г. В София гражданство РБългария от майка ВЕСКА ИВАНОВА МЛАДЕНОВА с ЕГН 7704.... гражданство РБългария и баща ИВАЙЛО КРУМОВ МЛАДЕНОВ с ЕГН 7312.... гражданство РБългария

Тук изречението би трябвало да свърши, но точка не е поставена. Смятам, че изречението не е коректно. Според мен предлогът "на" между датата на издаване на документа и името на новороденото дете е излишен. Ако сведем изречението до необходимите компоненти за граматична точност, се получава следното: **Удостоверение за раждане от 29 12 /2008 г. На ГЕОРГИ ИВАЙЛОВ МЛАДЕНОВ е роден на 13.12.2008 г.*

Може да се предположи, че предлогът "на" е замислен като част от названието на документа: Удостоверение за раждане от (датата) на (името). В този случай излишно се оказва сказуемото "е". От езикова гледна точка е очевидно, че е необходима корекция на текста на тази част от документа.

Второто изречение е: *Удостоверението е издадено въз основа на акт за раждане № дата (в последователност ден, месец година), изписани с арабски цифри, като след деня и след месеца се поставя точка.*

От казаното се налагат следните **изводи**:

- Удостоверението за раждане съдържа всички необходими данни за идентифициране на лицето пред обществото до навършване на възрастта за получаване на лична карта;
- използваният метод на изложение е описанието, като са спазени последователността и логичността на изложението. Същинският текст на Удостоверението за раждане се състои от две прости разширени изречения. Сказуемите и в двете изречения са в страдателен залог ("е роден(а)", "е издадено");
- в текста преобладават съществителните имена – названия на лица За обозначаване на дати се използват числителни имена, изписани с цифри и с думи или само с цифри, както и за ЕГН на родителите и на новороденото, както и за изписване на номера на съставения Акт за раждане и за поставяне на уникалния номер на Удостоверението за раждане;
- прилагателни имена са използвани само за обозначаване на пола на новороденото и евентуално като част от името на населено място;
- използваните предлози са общо седем: **от, на, в, с, за**;
- използваният съюз е един: **и** – за свързване на данните за двамата родители. В текста не са използвани местоимения;
- доколкото се срещат съкращения, то това е само при съобщаването на датата, където е съкратено съществителното име година: *г.* или *год.*;
- използваната лексика е типична за деловия стил. Тя е неутрална, еднозначна, тематично обусловена професионална терминология. Деловият стил на текста налага неизползването на лексика, изразяваща субективна оценка. С постигнатата стилистична еднородност на текста на документа се придава точност, обективност и официален характер.

Изводи

- Удостоверението за раждане е част от малкото безсрочни документи, които притежава всеки гражданин или неговите наследници. То, както и съставените актове по ЗГР, на чиято основа са издадени, притежава характерните особености на деловите документи от административно-канцеларския стил. Тяхното оформяне е в пряка зависимост от текстовете на собственозаконодателния подстил, в конкретния случай на Закона за гражданската регистрация и на Семейния кодекс на Република България.

- Посочения документ е типичен пример за съставени по установена форма документи. Неговата структура се определя от модела за съставяне на такъв вид текстове. Стандартната

общозадължителна форма на представяне на информацията предполага компактно изложение на данни с точно подбрани изразни средства за постигане на обективност. Удостоверенията се издават върху бланки, в които се попълват данни при строго съблюдаване на правилата за вярност – фактическа и езиково правилна. Недопустими са печатни или правописни грешки.

- Доброто графично и техническо оформление на Удостоверенията за раждане им придава официален характер. Документа не притежава защитни знаци против фалшифициране. Важна роля имат използваните шрифтове и местоположението на постоянните реквизити. Цветовото оформление не е от значение.

- Съдържанието на актовете и удостоверенията описва събитията, за които се съставят и издават, като за целта задължително упоменават най-важните данни за лицето/ лицата, на/за което/които се съставят/издават.

- С цел постигане на точност, достоверност и логичност на документа текстовете се оформят еднообразно и еднотипно. Стилът на документа във висока степен формализиран, което се налага от задължителността и нормативността на документите. Подбраните изразни средства са точни, ясни, логични и обективни, което е стандартно изискване за юридическата валидност на документите. Едновременно с това текстовете са достъпни за разбиране поради еднозначността на изразните средства.

- По-голямата част от текстовете е представена в табличен вид чрез използване предимно на съществителни и числителни имена и на именни групи. Използваните изречения са малко.

ИЗПОЛЗВАНИ НОРМАТИВНИ ДОКУМЕНТИ

1. Закон за гражданската регистрация – ДВ, бр. 67 / 27.07.1999
2. Закон за забележаване на ражданията, женитбите и умираанията (1893), Правилник за забележаване на ражданията, женитбите и умираанията (1893)
3. Закон за заменяне на кръщелните свидетелства с други документи за гражданско състояние (1946) – ДВ от 27.03.1946
4. Закон за лицата (1907), ДВ, бр. 273 от 17.12.1907 г.
5. Закон за лицата и семейството (1949), ДВ, бр. 182
6. Конвенция (2013) за издаване на многоезични извлечения на актове за гражданско състояние – ДВ, бр. 91 / 2013
7. Наредба № РД-02-20-6 (2012) за издаване на удостоверения въз основа на регистъра на населението
8. Наредба № РД-02-20-9 (2012) за функциониране на единната система за гражданска регистрация – ДВ, бр. 43 / 08.06.2012
9. Семейен кодекс на Република България (2009) – ДВ, бр. 47 / 23.06.2009

"FAMILY ISSUE" IN THE RECEPTION RUSSIAN-ANGLO-AMERICAN SLAVIC STUDIES

Lomova E. A.

Kazakh National Pedagogical University Abai

Abstract. Family is one of the nuclear concepts of human culture and mentality of any nation. The word "family" belongs to the main category of words giving an idea of a single ethnic culture and an intercultural space as a whole.

The concept of "family" associatively related concepts ("home", "father", "mother", "parents") and accumulated the most important idea of the material and spiritual culture, which are transmitted from generation to generation.

American society, in the period of the Civil War, Reconstruction and the Great Depression and Russia at the time after abolition of serfdom was similar to interest in the institute of the family as the traditional values to be protected.

The gap was not human at all, namely kinship perceived in the American South was extremely painful. The value unit of the South is known not to be the individual itself and the family, or "southern community".

As in the XIX century and in the twentieth century the family in its traditional understanding proclaimed the enduring value of the Southern Society, "legacy" of the past, which would survive in difficult times for the southerners by its inherent quality stability and rootedness in the past.

Keywords: transformation, society structure, idea of Southness, notion of "Southern Home", culture phenomenon, literature tradition, "Accidental Family", intercultural communication.

One of the fundamental problems of the world of culture and literature in particular, is the problem of the family and its well-being, happiness and unhappiness, and further development in the future.

Family is one of the nuclear concepts of human culture and mentality of any nation. The word "family" belongs to the main category of words giving an idea of a single ethnic culture and an intercultural space as a whole. [1]

The concept of "family" associatively related concepts ("home", "father", "mother", "parents") and accumulated the most important idea of the material and spiritual culture, which are transmitted from generation to generation. [2]

The modern family is in crisis, takes a place a process of transformation of the negative role of the family in society, first and foremost, the reorientation of traditional values and priorities. [17]

The critical state of the institution of the family is reflected in the instability of marriages, increase in the number and divorces, the gap between generations and neglect of children.

This situation has caused the emergence of numerous studies on families in different areas of knowledge. Current studies are designed to not only understand the theory, change the family, but also are updated the value of the traditional family and its spiritual foundations. [3]

There are a lot of works of Russian and foreign writers dedicated to the study of family problem. [4], [6], [10], [15]

In American literature I half of XIX century "cult of the hearth," and the problem priority families were particularly relevant. [4]

The role of women and their social importance in the structure of American society was revealed in the work of S. Hale, and the idea of "a home" was becoming central to the creativity of the K. Beecher also. [5]

Development of ideas of southern civilization and social status of woman took a central place in the essays of Louise McCord.

Specificity and flavor of the American hearth and the image of housewife was reflected in prose Caroline Gilman. [6]

Historical value of the southern community was at the heart of the novels of Carolyn Henze, and the status and woman importance in the fate of the South was actively discussed in the works of Mary McIntosh.

The ways of gaining "The southern house" were reflected in the novels of Marion Garland, and the ideology preached by Confederation of the South took place in the creativity of Augusta Evans. [7]

The reader of these books was pleased to special traits and enjoyed unique spirit of the South house, because American writers "lovingly and meticulously recreated the cultural and spiritual sphere shaped of the southern plantation". [8]

First of all the concept of a "big southern family" included a central" figure. "Southern gentleman," the owner, husband and father, as well as its code of honor, "Southern woman" should be beautiful, a real lady and matron.

Common southern idyll of happy family hearth added a dedicated black image of the nurse as a symbol of the southern virtues, which was fully in line with Christian ethics. [9]

The concept of "America hearth" in the literature of the United States received an exceptional theoretical basis during the struggle for independence and establishment the young American state.

This created American house reflected the fundamental elements and features of the nation as a whole. Thus a new nation and moral concept was based on the principles of Christian virtues and civil liberties.

This social concept also was formed as a part of the whole ideology of the nation as a Christian home, which determined traits of American excellence and America's role as a special messiah in the development of human civilization. [10]

The novel "hearth" was an effective way to express the philosophy and ideology of the Old South and the accurate picture of the formation of such a capacious national-cultural phenomenon as the "Southern World" as he synthesized and embodied in the word partisanship to slavery. [11]

The cultural phenomenon of "south of the world" was the image of the Old South as well organized patriarchal society in which each member (a black-and-white, rich-poor, male-female) took a special place and everyone could find happiness and harmony of being. [16]

"Southern World" could be explained only in terms of the slave ideology and racism. Vitality "south of the world" was provided its specificity as a cultural and historical phenomenon. [12]

Old South itself was formed not only in defending its ideology, but also in the process constructed its world and its culture.

Thus South community strove to perpetuate not only the status of the property in social relationship, but also dignity, Christian love neighbor and ideals of harmonious society.

The novel "hearth" claimed the idea of "republicanism", the contents of which included the new, active role of women in the construction of the new republic. Women were granted special social authority within the allotted space in the house place - in the home and in the family, where they were dependent on the state of the younger generation of citizens of the American Republic. [13]

In the European social and philosophical thought until the XIX century, the family was associated with the concept of a patriarchal society Russian common literary tradition treated the patriarchal family, the house as an ethical space in which there was love. The traditional role of the father in the patriarchal family involved the submission of an effort to "freely and lovingly to fulfill his will". [14]

The abolition of serfdom came to light a terrible state of Russian society, associated with the fall of moral and traditional values.

In this contradictive and trouble historical period the leading Russian writer Leo Tolstoy, M. Saltykov-Shchedrin, F. Dostoevsky and N. Leskov turned to family, giving the reasons for its transformation into oblivion its moral spirituality.

For L. Tolstoy the family was the most important school of life, love and cultural tradition. [10]

S. Aksakov called family life and an essential condition for the foundation of a truly social and human life.

F. Dostoevsky family care transformation processes associated with the historical period of reforms in Russia. The writer defined and explored the modern family as "accidental family" and family issues final artistic expression in his last novel "The Brothers Karamazov". [22]

Modern researchers admit the relevance of the research topic "accidental family" in the works of Dostoevsky in connection with the ongoing processes in the modern society. [16]

Creativity of F. Dostoevsky took a special place not only in Russian but also in foreign literature and modern researchers have continued discussion about the issues of Russian novelist reception creativity from point of view different culture system. [17]

The history of interaction with the work of American literature F. Dostoevsky was observed periods of the intense interest to the Russian novelist and of the relative "calm" periods.

In 1912, K. Garnett published the first translation of "The Brothers Karamazov" into English, and the further period was considered the so-called "cult of F. Dostoevsky", and provided helping to maintain the strong reputation of the Russian writer as "a subtle psychologist and expert in the "unpredictable Russian soul" and at the same time "mediocre artist" (X. Muchnik, D. Phelps).

The next twenty years have brought a slight decline of interest in F. Dostoevsky in America, and the next twenty, on the contrary, marked by an explosion of interest in a heritage F. Dostoevsky, which led to the realization of the value of artistic discoveries F. Dostoevsky and approved its reputation as the creator of the modern novel. [18]

B. Holstein in his article «Accidental Families and Surrogate Fathers: Richard, Grigory and Smerdyakov» noted that in the novel F. Dostoevsky "The Brothers Karamazov" had given the most comprehensive analysis of the relationship of fathers and sons. The development in the novel was represented as the movement of the fathers to the false true, from selfishness to sacrifice, from neglect and violence of love and responsibility. [19]

J. Knapp said that the novel "The Brothers Karamazov" had been considered as the most intimately connected with the personal family drama F. Dostoyevsky.

S. Fossa believed that Dostoevsky turned to the latest novels to the problem of "accidental family" because the family considered as such immutable value of the potential recovery of the spiritual basis of human. [36]

American society, in the period of the Civil War, Reconstruction and the Great Depression and Russia at the time after abolition of serfdom was similar to interest in the institute of the family as the traditional values to be protected.

The gap was not human at all, namely kinship perceived in the American South was extremely painful. The value unit of the South is known not to be the individual itself and the family, or "southern community" (M. Lerner, A. Bleykasten).

As in the XIX century and in the twentieth century the family in its traditional understanding proclaimed the enduring value of the Southern Society, "legacy" of the past, which would survive in difficult times for the southerners by its inherent quality stability and rootedness in the past.

REFERENCES

1. Banach-Manikina A. "Accidental family" in the works of F.Dostoevsky and its reception in the United States. - Diss. cand. filol. - Tomsk, 2006. - 253 p.
2. Fusso S. Dostoevsky and the Family // Cambridge Companion to Dostoevsky / Ed. by Leatherbarrow WJ Cambridge: Cambridge University Press, 2002. - 175- 190 p.
3. Golstein V. Accidental Families and Surrogate Fathers: Richard, Grigory, and Smerdyakov // A New Word on the Brothers Karamazov / Ed. by Jackson R. L.- Evanston; Illinois: Northwestern University press, 2004. - 90-106 p.
4. Harris SM A New Era in Female History: Nineteenth-Century US Women Writers // "American Literature", V. 74, № 3, September, 2002.1. - 604-612 p.
5. Knapp L. Mothers and Sons in The Brothers Karamazov: Our Ladies of Skotoprigonevsk // A New Word on the Brothers Karamazov / Ed. by Jackson R. L. Evanston; Illinois: Northwestern University Press, 2004. - 34 p.
6. Ljvova I. Literary reputation F.Dostoevsky in the United States (1940- 1960-ies.). - Diss. cand. filol. - Petrozavodsk: Karelian State Pedagogical University, 2000. - 203 p.
7. M. Martin family problems in the work of L. Tolstoy (1850-1870-ies.). - Diss. cand. filol. - M., 2000. - 209 p.
8. Medinskiy NB Dostoevsky in the American criticism of 1980-1990-ies. - Diss. cand. filol. Sciences. - Tomsk, 1997. - 203 p.
9. Morozov IV The discourse of the Old South in the "novel of the hearth": the creative legacy of the US writers of the first half of the XIX century. - Diss. cand. filol. Sciences. - SPb., 2006. - 203 p.
10. VV Pereyashkin F.Dostoevsky and "southern school" in American literature: on the material of W. Faulkner and William Styron // continuity in the development of literature. Pyatigorsk, 1993. - 98-108 p.
11. Prince D. Fatherhood. St. Petersburg., 2003. - 47 p.

12. Proskurin E. The ideological and artistic features of the Incarnation, "thought the family" in the novels of LN Tolstoy's "Anna Karenina" and ME Saltykov-Shchedrin "Golovlevs." - Diss. cand. filol. - Eagle, 2001.-203 with.
13. Reuters K. Modern Russian family as the translator of cultural values. - Diss. cand. Phil. Volgograd, 2005. - 150 p.
14. Shahovtseva E. Creation of contemporary writers of the American South in the light of the concept of "cultural feminism" (English. German). - Vladivostok: Publishing house Dalnevost, University Press, 2001. - 136 p.
15. Shaulov S. "Random Family" as a system of mutual reflections (based on the novel "The Brothers Karamazov") // Dostoevsky and World Culture: Almanac. – Saint Petersburg Silver Age, 2003.- № 18. - 104-113 p.
16. Thompson D. "The Brothers Karamazov" and the poetics of memory / Trans. from English. - Saint Petersburg Academic Project, 2000. - 203 p.\
17. Volzhina O. The family as a social and cultural merit, Diss. cand. - M., 2002.- 207 p.
18. V. Yatsenko The writers of the South, the United States and criticized Russian translations (1847- 1977) // Literary communication and mutual problem: - Gorky: 1982. - 62-71 p.
19. Yevdokimov E. The family as ethical and philosophical reality: On a material of Russian literature of the XIX century. - Diss. cand. filol. – Saint Petersburg, 2002. - 204 p.

РЕСМИ ІСКЕРЛІК ҚАРЫМ-ҚАТЫНАС ЖӘНЕ СӨЙЛЕУ МӘДЕНИЕТІ

к.ф.н., доцент Турабаева Л. К.
к.ф.н. Абдикеримова Г. А.
магистр Турсунбаева Қ. Т.

Қазақстан, Шымкент қаласы, М.Әуезов
атындағы Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік университеті

Abstract. This article is aimed at consideration of issues concerning the speech culture in everyday life. The issues of violating the main principles of business relations ethicality during public speaking and deviation from the language norms have been considered. Besides, the conclusions as to formal speech peculiarities have been made. The article covers the public speaking stages, methods of due speech formation, preparation for meeting the listeners and techniques to control the audience. The explanations related to the courtly use of speech tokens according to the ethic standards and the ways to improve the ones, which express the respectful attitude towards listeners, have been given.

The article addresses the activity of the linguistic centers required for forming the speech culture. The issues of the center activity aimed at linguistic prognostication of a traditional language system, the tasks of complex research of qualitative and digital speech directions, development of public speaking traditions have been considered, the issues related to the speech culture, linguistic ecology of speech and ecology of the speech culture have been covered as well. The article reveals the language situations concerning ecology of the speech culture, linguistic consciousness, language environment, and purity of language environment, violation of stylistics in the speech activity, and also the issues of the speech ethics, speech culture, monitoring, and other issues.

Keywords: speech culture, language norm, public speaking, public officers, business relations, communication, language structure.

Тіл – жанды құбылыс. Тіл мәдениеті дегеніміз – бір қарағанда, тілдік норманы сақтап сөйлеу, дұрыс жазу деген түсінік. Алайда бұл ұғым-түсінікке дәл өз мағынасында тереңірек ой жіберсек, сөздік қоры дамыған оралымды, бай тілдің ұлт мәртебесін асқақтатып, халқына қызмет ету үшін қарапайым сөйлеу тілінен бастап, сан түрлі бояуға қаныққан тілге айналуы сатысында соншалықты қиын қалыптасу кезеңі жатыр.

Тіл мәдениетіне барар жолдың бастауы – сөйлей білу. Тіл адамзаттың бір-бірімен пікірлесуін, түсінісуін қамтамасыз ете келіп, тілдік қарым-қатынасты іс жүзіне асырады. Тілдік қатынас – адамның ойлау, пайымдау, сөйлеу, тыңдау, түсінісу, айту, пікірлесу, т.б. әрекетіне тікелей қатысты құбылыс.

Сөйлеу – адам санасының басты белгісі. Тіл, сөйлеу ежелден бері жеке адамның, қоғамның ой-санасын дамытып, жетілдіруде аса маңызды рөл атқарады. Сөз ойлы да мәнерлі болуы тиіс. Әйтпесе, ол көздеген мақсатына жете алмайды. Халқымыз мәнді сөйлейтіндерді «сөзі мірдің оғындай екен» деп дәріптейді. Ал Ж. Баласағұн: «Ақыл-ойдың көркі – тіл, тілдің көркі – сөз» - деп тауып айтқан [1].

Адамның іс-әрекеті, ойлауы қандай орнықтылықты, ұқыптылықты қажет етсе, оның сөзі де соған лайық болуы керек. Бұл талаптар тілдік нормаларды толықтай меңгергенде ғана іске асады.

Тілдік норма тілдің ішкі заңды жүйелері негізінде дамып, қалыптасады. Тілдің дыбыс жүйесі, сөз байлығы, сөз мағыналары, тілдің грамматикалық құрылысы – заңды ерекшеліктерге негізделеді.

Көпшілік қолданысына ие болу нормалылықтың бір белгісі болып танылғанда, мұны тек сөздің мағынасынан ғана емес, тәжірибеден де байқаймыз. Мысалы, кейбір сөздердің тек жағымсыз немесе жағымды мағынада ғана қолданылатындығын айта кетуге болады. Сөз мәдениеті нормасы бойынша әрбір ұғым өзіне қатысты сөздерді таңдап тіркесуі тиіс. Айталық, *арқасында* сөзі жағымды мағынадағы тіркес құрайды: *денсаулықтың арқасында, байлықтың арқасында, таланттың арқасында, ал аурушаңдықтың арқасында, жоқтықтың арқасында, дарынсыздықтың арқасында* деп айтылмайды, ол сөз мәдениеті нормасы түгіл, ауызекі тілде де қолданылмауы керек. Ал *белшесінен батты, етек алды, тап болды* деген фразеологизмдер тек жағымсыз мағынаны білдіреді, сондықтан олар жағымды мағыналы сөздермен тіркеспейді. Мысалы, *қамқорлық етек алды, қуанышқа тап болды, байлыққа белшесінен батты* сияқты қолданыстар дұрыс емес. Сол сияқты көптеген етістіктер тек қана болымсыз тұлғада жұмсалады, олардың болымды тұлғасы жоқ. Мысалы, *бет қалмады* (ұялу), *бет бақтырмады* (сөйлетпеді, сөз бермеді), *бет бұрдырмады* (мүмкіндік бермеді), *бетіне жан келтірмеді* деген тіркестердің *бет қалды, бет бақтырды, бет бұрдырды, бетіне жан келтірді* деген жағымды сыңарлары болмайды. Демек, *сөз мәдениеті* дегенде, ең алдымен, әдеби тілді қалай меңгергеніне көңіл бөлеміз. Сөйлеуші өзіне тән тілдік ерекшеліктерімен қатар, жалпыға ортақ әдеби тілдің нормасынан хабардар болуға міндетті [2].

Ауызша және жазбаша сөйлеу мәдениетін көтеру дегеніміз – күнделікті дайындықты талап етеді. Дұрыс, анық, дәл, түсінікті, таза және образды, эмоционалды сөйлеуге жаттығу қажет. Маңызды әңгімелер мен сөйлесулерге, достар, әріптестер, туған-туысқандар арасындағы болатын мәселелерді талқылауға белсенді қатысқан дұрыс, семинар және практикалық сабақтарда жиі-жиі сөйлеу керек. Осының бәрі адамның ойын дамытады, сөйлеу дағдысын қалыптастырады, сөз мәдениетін дамытады.

Көпшілік жиналған ортада сөйлеу үшін өзінің сөйлеу стилін қалыптастыруда хат жазысу ісі жақсы мектеп бола алады. Хаттарында тек тұрмыстық сипаттағы мәселелер ғана емес, әлеуметтік мәні бар мәселелерді де қозғап отыру қажет. *Сөйлеушілердің сөйлеу әрекетіне талдау жасай білу* – шешендік тәсілді меңгерудің бір жолы. Жиналыс, конференцияларда, дәрістерде сөйлеген немесе радио, теледидардан тыңдаған шешендердің сөзінің мазмұнына ғана көңіл аударып қоймай, материалдарды беру тәртібіне, тілдік шеберліктеріне, шешендік әдістеріне де көңіл бөлген жөн.

Бұқаралық коммуникацияда не ұнайды, не ұнамайды; қандай әрекеттері, қандай тәсілдері, қай сөздері сәттілікке жеткізді, қайсысы сәтсіздікке ұшыратты дегендерге талдау жасаған дұрыс. Әсіресе, сөйлеушінің аудиториямен қарым-қатынасына, өзін-өзі ұстауына назар аудару керек.

Сөйлеушінің қызметі қандай сатылардан тұрады, сөйлейтін сөзді қалай орналастыру керек, тыңдаушылармен кездесуге қалай дайындалу қажет, аудиторияны меңгерудің қандай амалдары бар екенін жақсы білуге тиіс. Шешендік өнердің тарихында әйгілі шешендер өзімен көп жұмыс істеген, сөйлеуге тыңғылықты дайындалған. Күнделікті дайындықтың нәтижесінде сөйлеушінің кәсіптік шеберлігі артады, өзіне деген сенімі нығаяды. Осыған сәйкес сөздің қасиетін сезіне білген мынадай танымал тұлғалардың пікірін келтіруді жөн көрдік. *«Сөйлей алмаған адам мансап жасай алмайды» (Наполеон), «Сөйлемейтін жерде сөйлесең, сөзің жоғалады. Сөйлейтін жерде сөйлемесең, өзің жоғаласың. Хас сөздің зергері сөзін де, өзін де жоғалтпайды» (Конфуций), «Маған 10 минуттық сөйлеуге дайындық үшін бір апта, 15 минут*

сөйлеу үшін екі күн, жарты сағаттық сөз үшін бір күн керек. Ал бір сағат сөз сөйле десе, қазір-ақ сөйлеп беремін» (Вудро Вильсон) деген пікірлерінен нақты, дәл, орынды әрі бай сөйлей білу сөйлеушінің имиджін қалыптастырары анық екендігін байқауға болады [3].

Бүгінгі қоғамда сенімді сөйлеу өнерін меңгеру әрбір адамға керек. Шешен сөйлеу өнері, әсіресе, іскер адамдарға қажет: кәсіпкерлер, менеджерлер, өндіріс басшылары, билік орнындағы лауазым иелері, журналистер, қоғам қайраткерлері, оқытушылар, ғалымдар, сот ісіндегілер, саясаткерлер, т.б. тұлғалар шешен сөйлеу әрекетінсіз табысқа жете алмайды. Адамдарды қызу іске жұмылдырудың бір-ақ жолы бар: ол – тіл табысу. Сенімді, әсерлі сөйлеуден туындаған шешендік сөз ғана тіл табысуға жеткізеді.

Шаршы топ дегеніміз көпке арналып сөз айтылатын жер, яғни сол сөзді тыңдайтын адамдар тобы. Шаршы топ алдындағы сөз аз болсын, көп болсын әлеуметтік мәні бар, жұртшылық назарына ұсынылған, қоғам мүддесіне арналған әңгіме болуы керек... Мұнда көзделетін мақсат – көпшіліктің тыңдауына арналған сөздің жатық, ұғынықты болуы, әңгіме желісінің дұрыс құрылуы болмаққа керек», – дейді академик Р.Сыздық [4].

Адам баласы табиғатында темірдей төзімді, гүлдей нәзік. Бір ауыз сөзбен кісіні ренжіту де, қуанту да оңай. Сөйлеу этикетін әдеппен қолданып, мүмкіндігін аша білсек, ізеттілікке бастайтын жақсы жақтарын жетілдіре берсек, адамдар арасындағы қарым-қатынас адамгершілік пен ынтымаққа бастау алары сөзсіз.

Сөйлеуге қойылатын талаптар мен ережелерді Бөлтірік шешеннің мынадай сөзімен қорытындылауға болады. «Сөзден тәтті нәрсе жоқ, сөзден ащы нәрсе тағы жоқ. Сөзден жеңіл нәрсе жоқ, сөзден ауыр нәрсе де жоқ. Сөзінді тіліңе билетпе, ақылыңа билет. Ақылды сөзінді ақылсызға қор етпе, ақылдыға айт. Не сөйлейтініңді біл, кімге сөйлейтініңді біл, қашан сөйлейтініңді біл, қайда сөйлейтініңді біл, қалай сөйлейтініңді біл. Оны білмесең, сара сөзің шала болады, арты жала болады», – деп бір ауыз сөзбен түйіндейді [5].

Сөз мәдениетін қалыптастыруға қажетті лингвистикалық орталықтар қатарына лингвистикалық болжау орталығы жатады. Лингвистикалық алдын ала болжау орталығы дәстүрлі тіл жүйесінің сапалық және сандық бағыттарын кешенді түрде зерттеу міндеттерін, сөз, сөйлеу қызметінің дәстүрін қалыптастыру мәселесін қарастырады. Сөз мәдениетіне қатысты лингвистикалық экология тіл және сөз мәдениетінің экологиясы деп аталады. Сөз мәдениетінің экологиясына тілдік ситуация, тілдік сана, тілдік орта, тілдік ортаның тазалығы, сөз қызметіндегі стилистикалық қатынастардың бұзылуы, сөйлеу этикасы мәселелері, сөз мәдениеті және мониторинг, т.б. мәселелер жатады.

Тіл мәдениетіне тілдің құрылымдық жүйесіндегі орфоэпикалық, пунктуациялық, лексикалық-грамматикалық, синтаксистік нормалар қамтылып, олардың коммуникативтік эстетикалық қызметі толық айқындалған жағдайда стилистикалық норма жүзеге асады. Стилистикалық норма сөйлеушінің тілдік сөйлеу тәртібін қалыптастырады. Сөз мәдениеті көркем сөйлеуде, ғылыми-көпшілік немесе ресми ортада, тіпті ауызекі сөйлеу стилінде тілдің барлық салаларымен тамырлас келеді. Сөйлеу мәдениеті топ алдында мәдениетті сөйлеу, оның алғышарттарын, әдіс-тәсілін танып білу, озық үлгілерін меңгерудің жолдарын, нақты қасиеттерін ұғыну сияқты мәселелермен тығыз байланысты дамиды.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Уәли Н. Қазақ сөз мәдениетінің теориялық негіздері: филол. ғыл. докт...дисс.: 10.02.02. -Алматы, 2007. -328 б.
2. Балақаев М.Б. Қазақ әдеби тілі. -Алматы: Ғылым, 1987. -272б.
3. Әлкебаева Д. Сөз мәдениеті. Қазақ университеті. -Алматы 2014.- 212 бет.
4. Сыздық Р. Тілдік норма және оның қалыптасуы. -Астана: Елорда, 2001. -230 б.
5. Қазақ тілінің орфоэпиялық сөздігі //(авт. бірл.: Қ.Күдерінова, А.Фазылжанова т.б.). - Алматы: Арыс, 2005. -178б.

КРАТКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НЕМЕЦКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

старший преподаватель Уметов К. К.

кафедра Кыргызского, русского и иностранных языков
Кыргызский национальный аграрный университет имени К. И. Скрябина, г. Бишкек

Abstract: The article analyses the derivation of nouns in German and Kyrgyz languages. We study different types of formation of nouns in both languages, as well as the formation of nouns by prefixing

Keywords: analysis, word formation, noun prefixes, suffixes, gender, parts of speech, morpheme

Еще в раннюю эпоху формирования языка установились системы современного словообразования и ее многие формы. Как и в других иностранных языках которых мы учим, такие действия происходят и в нашем родном языке. При изучении словообразования иностранного языка, например немецкого можно сравнить ее системой словообразования родного, кыргызского языка, так как одним из приемов усвоения системы словообразования иностранного языка является сопоставления с родным языком. Словообразования, например, имен существительных в обоих языках и их сопоставление может стать этому еще одним примером. При изучении словообразования имен существительных этих двух разных языков можно выделить следующее.

При образовании существительных в немецком и кыргызском языках большую роль играет суффиксация. Если суффиксы немецких существительных делятся по признаку рода, то есть на суффиксы существительных мужского, женского и среднего рода, то такого деления в кыргызском языке быть не может, так как нет грамматической категории рода.

Основное место в образовании существительных кыргызского языка занимает морфологический способ как наиболее продуктивный [Орузбаева, 1958]. С помощью ряда продуктивных аффиксов образуются существительные от имен существительных и других именных частей речи. К наиболее продуктивным аффиксам относятся **-чы** (-чи, -чу, -чү), которые являются объектом профессии, например: койчу der Schafer - кой das Schaf;

-лык (-лик, -лук, -лүк; -дык, -дүк, -дик, -дук; -тык, -тик, -тук, -түк) обладает большим объемом деривационных значений и служит для образования существительных с разнообразной семантикой, например: бала das Kind - балалык die Kindheit. Образованный путем слияния агентивного аффикса **-чы** и аффикса **-лык**, аффикса **-лаш** с вариантами, аффикса **-чык** с вариантами, аффикса **-чак** с вариантами, аффикса **-ча** с вариантами, **-лак** с вариантами и другие дополняют списки продуктивных аффиксов кыргызского языка.

Непродуктивные аффиксы встречаются в именах существительных, которые можно признать производными только в результате этимологического выделения корневой и словообразовательной морфем.

Указанных некоторых немецких и кыргызских суффиксов можно посмотреть в небольшой сопоставительной таблице:

Другим еще важным способом словообразования является префиксация [Фиш, 1967]. Наиболее распространенный немецкий префикс³ **un-** отрицает основное значения слова. Такое же значение имеет обычно и префикс **miß-**. Эквивалентом префиксов **un-** и **miß-** является чаще всего киргизский суффикс **-сыз** (с вариантами), например: der **Mißerfolg** - ийгилик**сыз**, die **Mißernte** - түшүмсүздүк, das **Unglück** - бакыт**сыздык**, die **Unschuld** - күнөөсүз.

Суффикс **-сыз**, как и префикс **un-**, употребляется часто в сочетании с другими словообразовательными суффиксами, которые стоят после **-сыз**, например: die **Unhöflichkeit** - **адепсиздик**, die **Ungesetzlichkeit** - **мыйзамсыздык**.

Префикс **un-** передается тоже нередко путем отрицательного слова **эмес**, поставленного после основного слова, например: der **Unmensch** - киши **эмес**, die **Unmöglichkeit** – мүмкүн **эместик**.

³ Аффикс, стоящий впереди корня

Таблица 1

Некоторые суффиксы существительных в немецком языке				Их эквивалентные суффиксы в кыргызском языке	
м. р.	ж. р.	ср.р.	примеры	часто	примеры
-er			Schüler	-чы (и вар.)	окуучу
-ner			Gärtner	-чы	бакчы
-el			Schlüssel	-гыч (и вар.)	ачкыч
-e			Kirgise	-	кыргыз
-er			Moskauer	-лык (и вар.)	москвалык
-aner			Amerikaner	-лык	америкалык
	-in		Freundin	-даш	курдаш
	-schaft		Freundschaft	-лык (и вар.)	достук
	-heit		Schönheit	-лык	сулуулык
	-ung		Übersetzung	-ма (и вар.)	котормо
	-e		Lehre	-уу	окуу
	-e		Wärme	-лык	жылуулык
	-ei		Zimmerer	-чылык	устачылык
		-lein	Mütterlein	-ке	энеке
		-lein	Büchlein	-че (и вар.)	китепче

В кыргызском языке не находящий соответствующего словообразовательного аффикса префикс **un-** обозначает усиление основного значения слова, например: die **Unzahl** - эсепсиз, die **Unmenge** - абдан көп.

Нечто первобытное и древнее обозначает префикс **ur-**, которое в кыргызском языке передается описательным путем, например: der **Urwald** - байыркы токой, der **Urmensch** - байыркы адам.

Префикс **ge-** придает основе собирательное значение и сопровождается часто чередованием корневого гласного, например: das **Gebäude** - имарат, das **Gebirge** - тоо тутуму, das **Geschrei** - кыйкырык.

До некоторых времен многие наши ученые в области словообразования не указывали о существовании префиксов кыргызского языка. Аффиксом стоящим перед корнем кыргызского языка можно считать заимствованного из иранского языка префикса **бей-**. В кыргызском языке имеются достаточно слов с вышеуказанным префиксом, которые означают или негативные качества или душевное состояние кого-либо, например: *бейбаиш*, *бейтартуп*, *беймаани*, *беймаза*, *бейадеп*, *беймаал*, *беймарал*. А слово **бейтааныш** имеет даже эквивалент с немецким словом **unbekannt** (bekannt - тааныш). В этом случае этот префикс вполне мог бы сравниться с немецким префиксом **un-**. А слова *бейөкмөт*, *бейажал*, *беймаалым* широко употребляются в средствах массовой информации.

На немецком языке вышеназванный вид называется эксплицитная деривация. Такой тип деривации имеет три вида:

1) префикс + основная морфема, называется префиксация, например: *un+wetter* - *аба ырайынын бузулушу*;

2) основная морфема + суффикс, суффиксация, например: *winter+lich* - *кыштагыдай*;

3) основная морфема + циркумфикс, циркумфиксация, например: *Ge+lauf+e* - *чуркоо*.

Второй вид называется имплицитная деривация. Этот вид можно называть одним из видов субстантивации, так как это способ образования существительных путем перехода какой-либо части речи в класс существительных, не изменяя его основной смысл. Например: *kochen* - *тамак жасоо* → *der Koch* - *аштозчу*, *trinken* - *ичүү* → *der Trank* - *ичимдик*, *laufen* - *чуркоо (этиш)* → *der Lauf* - *чуркоо (зам атооч)*, *gehen* - *жүрүү (этиш)* → *der Gang* - *жүрүү (зам атооч)*.

Следующий вид называется конверсия, то есть субстантивация других частей речи без аффиксов и без чередования корня. Например: *essen* - *тамак ичүү* → *das Essen* *тамак*, *grün* - *жашыл* → *das Grün* - *жашыл өсүмдүк*.

Многие существительные в немецком языке образуются от основ глаголов без суффиксов. Большинство из них образуется без изменения корня, то есть сама основа инфинитива, сочетаясь с артиклем, становится существительным, приобретая новое лексическое значение, например: *tanzen* – бийлөө → *der Tanz* - бий, *kaufen* – сатып алуу → *der Kauf* - сатык, *rufen* – чакыруу → *der Ruf* - чакырык. Группа существительных образовалась от основ сильных глаголов с изменением корня, например: *klingen* – коңгуроо кагуу → *der Klang* - коңгуроо, *werfen* – ыргытуу (этиши) → *der Wurf* - ыргытуу (бросок), *fliegen* – учуу (этиши) → *der Flug* - учуу (полёт). Как явствует из приведенных примеров, соответствующие кыргызские отглагольные существительные образуются при помощи суффиксов **-уу, -оо, -үү, -өө**. В отличие от немецкого языка, кыргызские существительные не могут образоваться от основ глаголов без суффиксов, так как основа глагола сама по себе является повелительной формой глагола. С другой стороны, корни кыргызских слов не подвергаются чередованиям, распространённым в немецком языке как Umlaut, Brechung (преломление), Ablaut.

В обоих языках и прилагательные и причастия часто подвергаются субстантивации. Но в отличие от кыргызского языка в немецком они принимают соответствующие окончания, например: от слово *krank* (оору) - *der Kranke* (оорулуу киши); от слово *jung* (жааш) - *der Junge* (жааш жигит); от причастие *lesend* (окуп жаткан) - *der Lesende* (окуп жаткан киши) и.т.

Соединение двух или более слов в одно существительное, которое называется словосложением, является наиболее продуктивным средством образования существительных. Такое соединение может иметь место в немецком языке без формальных соединительных средств, например: *der Apfel* (алма) + *der Baum* (дарак) = *der Apfelbaum* (алма бак), *der Apfel* (алма) + *der Wein* (шаран) = *der Apfelwein* (алма шарабы); *die Wand* (дубал) + *die Zeitung* (гезит) = *die Wandzeitung* (дубал гезит) или путем соединительных элементов **e, (e)n, s, es, er**, например: *der Tag* (күн) + *das Buch* (китен) = *das Tagebuch* (күндөлүк), *die Arbeit* (жумуш) + *der Tag* (күн) = *der Arbeitstag* (жумуш күн). В отличие от немецкого языка сложные существительные в кыргызском языке образуются без соединительных элементов, например: *die Eisenbahn* - темир жол. Нужно тоже отметить расхождение в правописании сложных существительных в обоих языках. Части сложного существительного в немецком языке пишутся слитно, а в кыргызском языке эти части пишутся обычно раздельно, а иногда через дефис, например: *die Steinbrücke* - таш көпүрө, *die Eltern* - ата-эне.

В немецком языке последнее слово в сложном существительном называется основным [Hans Wellmann, 1975]. Это положение относится в большинстве случаев и к кыргызским сложным существительным [Современный кыргызский литературный язык, 2010]. Первая часть сложного существительного является часто в обоих языках именем существительным, приобретающим смысл определяющего слова, то есть смысл прилагательного, например: *die Fleischsuppe* - эт (Fleisch) шорпо (Suppe), *das Tintenfass* - сья (Tinte) челек (Fass).

Такой же смысл определяющего слова может приобретать и другая часть речи, выступающая как первый компонент сложного существительного. Такими частями речи могут быть прилагательные, числительные, глаголы и другие, например: *der Großvater* - чоң ата, *das Dreieck* - үч бурчтук.

Нужно подчеркнуть, что немецкие сложные существительные передаются часто в кыргызском языке простыми словосочетаниями, в которых основное слово часто принимает притяжательный аффикс **-ы (-сы)**: *der Kindergarten* - балдар бакчасы, *das Schulgebäude* - мектеп имараты, *das Stadttheater* - шаар театры. Совершенно естественно, что состав сопоставляемых эквивалентных сложных существительных может не совпадать по частям речи, например: *das Rindvieh* (2 существительных) - кара мал (прилагательное + существительное); *der Regenbogen* - көк желе.

Еще одним важным и интересным моментом является то, что меняя местами некоторые сложные существительные немецкого, меняется и смысл сложного слова, например: *das Taschengeld* карманные деньги - *die Geldtasche* кошелёк, *die Kuhmilch* коровье молоко - *die Milchkuh* дойная корова, *der Baumstamm* ствол дерева - *der Stammbaum* родословное дерево, *die Tischlampe* настольная лампа – *der Lampentisch* стол для лампы и.т.д.

При переводе на кыргызский язык в некоторых сложных существительных второе является основным, а первое определяющим, например слово *Arzt* - врач определяется впереди стоящими словами, например: *Augenarzt* - окулист (көз доктур), *Zahnarzt* - стоматолог (тиши

доктур), *Frauenarzt* - гинеколог (аялдар доктуру), *Kinderarzt* - педиатр (балдар доктуру), *Tierarzt* – ветеринар (мал доктуру).

В структуре языка словообразование имеет своё место [Грамматика киргизского литературного языка, 1987]. С изучением законов словообразования, его способов и средств мы изучаем общий строй этого языка, так как они неразрывно связаны. И знание этих законов, способов и средств играет большую роль также для практического изучения того или иного языка. Конечно, объяснить все законы словообразования немногими примерами, которые даны в этой статье невозможно. Был проведен лишь своего рода маленький анализ, который заканчивается описанием некоторых законов словообразования трех родов имен существительных немецкого языка, и их сопоставления с словообразованием существительных кыргызского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный кыргызский литературный язык, Бишкек, 2010
2. Академия наук Киргизской ССР, Грамматика киргизского литературного языка, Фрунзе, 1987
3. Вельманн Ганс. Словообразование немецкого языка. Типы и тенденции в современном языке. Вторая часть: Имя существительное. Шванн, Дюсельдорф, 1975.
4. Орузбаева Б. О. Словообразующие аффиксы кыргызского языка, Фрунзе, 1958
5. Фиш М. Ш., Словообразование немецкого языка в сопоставлении с кыргызским языком, Фрунзе, 1967
6. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь, М. 1940

ОЦЕНКА КИТАЙЦЕВ В СМЕШАННЫХ БРАКАХ С РУССКИМИ

Аспирантка Цао Лия

Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания Филологического факультета СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Abstract. *In this article, consider the system of assessment of the Chinese who are in mixed marriages with Russian showed that the Chinese husband is characterized positively, with prevailing social assessment of his behavior, but marked and negative ethical evaluation, which indicates a lack of understanding Russian ethical standards. Chinese wife is characterized by positive and negative, with the negative assessment than explained by a change of stereotype under the influence of demographic problems.*

Keywords: *Mixed marriage, the negative and positive assessment, stereotype*

В современных СМИ уделяется значительное внимание частной жизни людей, основой которой является их личная жизнь и отношения в семье. Но особенно активно смешанные браки обсуждаются в Интернет-форумах. Поскольку в последнее время возросло число смешанных браков русских с китайцами, то эта тема выносится в названия форумов, где идет обсуждение личностных качеств китайских супругов с точки зрения перспективности таких браков. Участники форумов делятся своими наблюдениями, высказывают мнения и оценивают разные стороны культуры и воспитания китайцев, а также оценивают особенности характера.

Представим структуру оценочной характеристики китайцев в смешанных браках (таблица 1). Такая характеристика включает в себя оценку внешности партнера, его отношения к браку, к партнеру, детям и родителям. Можно отметить, что количество русских женщин, выходящих замуж за китайца намного превышает количество мужчин, которые женятся на китайках. Поэтому наиболее полно в нашей выборке материалов представлена

характеристика китайского мужа, в которой оценивается его отношение к членам семьи - к жене, к детям, к родителям, - а также отношение русскому языку, к деньгам, к алкоголю. Поскольку материалом наблюдений, в основном, являлись Интернет-форумы, то в образ китайских мужчин и женщин вошли характеристики состоящих в браке с русскими молодых людей, активно пользующихся Интернетом.

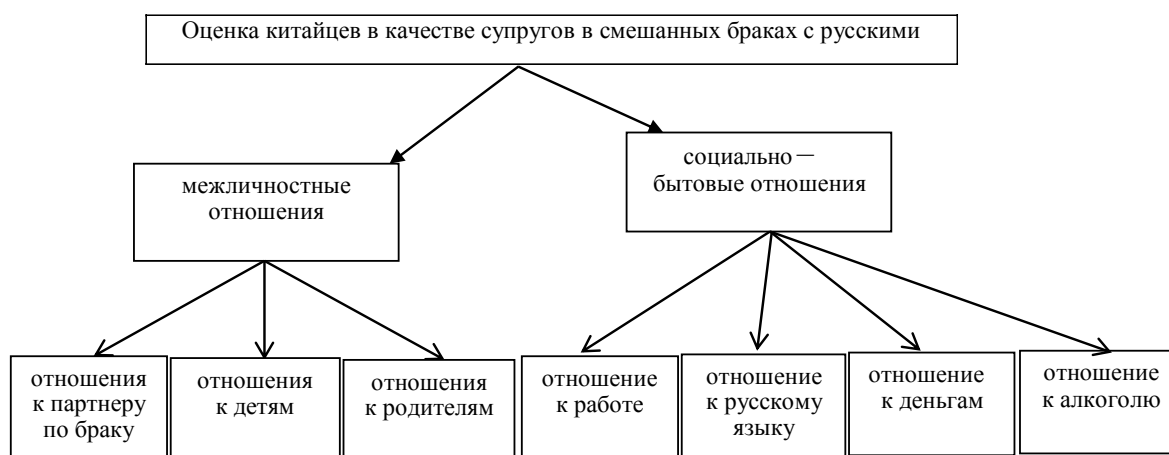


Рис. 1 Структура характеристики супругов-китайцев в смешанных браках с русскими

Рассмотрим типы оценок в смешанных браках, где муж-китаец, а жена – русская. Для этого выделим основные параметры, по которым оценивается один из партнеров: внешность, отношение к семье, отношение к жене/мужу, отношение к детям, отношение к родителям, отношение к работе, отношение к деньгам, отношение к алкоголю (для мужа). Материалом для анализа в этой статье послужили, в основном, публикации на Интернет-форумах и некоторые статьи дальневосточных газет. Отбор материала показал, что количество русских женщин, обсуждающих семейную жизнь, значительно превысил количество русских мужчин, которые высказались о своей жизни с китайской женой (2 публикации), в то время как русские мужчины охотно высказывают свое мнение по поводу китайских мужей.

Результат анализа показывает, что смешанные браки китайцев с русскими предстают в качестве частной социокультурной ситуации. В обобщенную характеристику мужа китайца вошли, в целом, положительные оценки, например: Социальные оценки мужа с точки зрения русской жены (представление о поведении) — *деньги приносит, не пьет или пьет очень мало, не бьет, хорошо относится к жене, к детям, уважает родителей и помогает им, любит детей и занимается с ими, трудолюбив, зарабатывает деньги и обеспечивает семью* отражают положительное отношение к китайцу.; эмоциональные оценки (приятен/неприятен), *жить с ним спокойно, уверенно* выражают положительное отношение к китайцу. К отрицательным оценкам можно отнести следующие примеры: с точки зрения русской женщины отражается потребительское отношение к ней в смешанном браке такого рода: *русская жена — только показатель успешной жизни китайца*. Эстетические оценки китайских мужчин (с позиции обыденных понятий о красоте типичной для русского поданы через отрицание) он (китаец) — *не высокий голубоглазый блондин* несет в себе отрицательную оценку и т. д.. Почти во всех случаях присутствует явное или скрытое сравнение со стереотипом русского мужчины. В системе оценок преобладают социальные оценки, т.е. оценивается поведение мужей. Оценки, в целом, рациональные, но встречаются также эмоциональные и эмоционально-экспрессивные. Для скрытой оценки важен контекст, в нем оценка приобретает свою определенность. В оценках китайской жены наряду с положительными оценками, выражены также и отрицательные. К положительным можно отнести следующие — *аккуратна в быту,*

хозяйственна, содержит русского мужа, если он безответственный, умеет готовить русскую еду, говорит по-русски. К отрицательным можно отнести такие, как: капризность, нарушает семейную этику - принародно ругает мужа, использует замужество как способ улучшить жизнь. Негативные оценки китайских жен оправдываются русскими мужчинами тем фактом, что молодые китайки выросли в условиях демографического дисбаланса, поэтому стали терять традиционные качества скромной и послушной жены.

Итак, можно сделать вывод, что смешанные браки китайцев с русскими предстают в качестве частной социокультурной ситуации. В оценках китайцев, состоящих в смешанных браках с русскими, отразилась закономерность: иноэтнических партнеров обычно характеризуют на основании существующих, хотя и не вполне определенных этнических автостереотипов, методом сравнения. При отклонении от стереотипа возникает негативная оценка, а соответствие стереотипу оценивается положительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клушина Н.И. Оценочность // Язык СМИ. - М.: Изд-во МГУ, 2003.-С. 275-280.
2. Павловская А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации / А.В. Павловская // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 1998. - №1. - С. 94-104.

КОНЦЕПТ «УДАЧА» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Ши Янь

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
г. СПбГУ, с. Россия.

Abstract. This article discusses revealing features of reflection of the concept of "fortune" in russian proverbs and their specificity proverbs of the chinese language.

Keywords: Concept, proverb, fortune, language world view, linguaculture.

Пословицы – богатый источник информации о мире, об особенностях мировидения того или иного народа. Пословицы хранят знания о мире и о человеке в этом мире, что, как отмечают исследователи [например, В.Н. Телия, Е.В. Иванова и др.], делает интересным и плодотворным их изучение в плане реконструкции пословичного представления о мире – пословичной картины мира [Иванова 2002: 4]. В современной лингвистике, как известно, одним из наиболее актуальных является понятие «языковая картина мира». Отдельные фрагменты языковой картины мира анализируются в разных направлениях и на различном языковом материале. Пословичная картина мира – отдельный фрагмент, часть языковой картины мира [там же].

По мнению Ю.С. Степанова «концепт» семантически глубже, богаче понятия. Концепт приближен к ментальному миру человека и, следовательно, к культуре и истории, поэтому имеет специфический характер. «Концепты представляют собой коллективное наследие в сознании народа, его духовную культуру, культуру духовной жизни народа. Именно коллективное сознание является хранителем констант, то есть концептов, существующих постоянно или очень долгое время [Степанов 1997: 76]. Согласно Ю.С. Степанову, «концепт» – смысл, воплощенный в слове субъектом этого слова на основе существующих в культуре комплексов представлений о способах воплощения этого смысла. Например, Ю.С. Степанов выделяет в качестве базовых культурных концептов, как «воля», «душа», «семья», «дружба», «радость», «любовь», «вера», «удача» и др. [Степанов 1997: 80].

Концепт «удача» широко представлен и в русской фразеологии (ср.: *родиться в рубашке [сорочке], счастье улыбнулось кому-л. и др.*) и в русской паремике, например: *Удача –*

кляча: садись да скачи; Удача – спутник смелого; Ученику – удача, учителю – радость; Удача — брага, а неудача — квас; Неудача ума прибавляет и т.д.

Удаче и неудаче посвящены в русском языке многие поговорки с иными компонентами, которые также фиксируют жизненный опыт говорящих. Ср.: *Лучше в малом удача, чем в большом провал; Удастся - так коврижка, не удастся – так крышка; Удачливый в гору ползет, а неудачливый и под гору не катится; Счастлив медведь, что не попался стрелку, счастлив и стрелок, что не попался медведю; Везет в картах, не везет в любви; Временем в горку, а временем в норку и т.д.*

При этом в поговорках, посвященных везению и неудаче, отмечается не только прихотливость судьбы, везения в целом (*Иной за что ни возьмется, все удастся; Кому пироги да пышки, а нам желваки да шишки; На свете всяко бывает (и то бывает, что ничего не бывает); Беда не ходит одна и т.д.*) и некоторые «закономерности» везения и невезения (*Одна удача идет, другую ведет; Беда гнездом [поездом] ходит; Удача сама не приходит: ее работа за руку приводит; У одного сбылось, а другому не удалось и т.д.*), констатируется неуправляемость жизненных обстоятельств, как бы их независимость и самостоятельность, но также обобщается опыт семейной жизни (*Не у каждого жена Марья, а кому Бог даст [дал]; Не всякому по Якову, а кому Бог даст.*)

В китайском языке также имеются поговорки, содержащие концепт «удача», но поговорочная картина мира, как мы полагаем, не совпадает в русском и китайском языковом сознании. Подобные единицы, наряду с общими чертами, могут отличаться компонентами формы или содержания, национально-культурными установками, трактовками аналогичных жизненных ситуаций и наблюдаемых коллизий. В отдельных случаях потребуется особый комментарий для пояснения причин проявления того или иного взгляда носителей китайского языка на, казалось бы, близкие всем людям вещи. В это и проявляется национально-культурная специфика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц), СПб, 2002.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Опыт исслед, 1997. – С. 76-80.

ЗНАЧЕНИЕ ПОДТЕКСТА В ВЕРБАЛЬНОМ И НЕВЕРБАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ГЕРОЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА НА ОСНОВАНИИ УЧЕБНИКОВ ПО КИНОДРАМАТУРГИИ

Носов Николай Михайлович

Россия, Москва, ГАОУ ВО МГПУ (Московский городской педагогический университет)

Abstract. *The article covers the importance of subtext in the words and actions of feature films' characters according to the theories of some distinguished Russian and American screenwriting instructors.*

Keywords: *text, subtext, screenwriting, verbal and non-verbal behavior, screen character creation, feature film, screenwriting theories*

Текст – это поверхностный уровень произведения искусства. В настоящее время существуют разные определения текста и подтекста в кинематографе. Известный американский теоретик написания киносценариев Роберт Макки понимает под текстом (помимо собственно

диалогов) видеоряд, музыку и звуковое наполнение, т.е. то, что мы видим и слышим во время просмотра фильма – вербальное и невербальное поведение персонажей. Иной уровень представляет собой подтекст. Под подтекстом понимаются мысли, чувства и желания, скрывающиеся за поведением и словами героев, известные или неизвестные зрителю [1, 258].

Макки говорит в частности о том, что события и диалоги происходят как минимум на двух уровнях. Создавая героя, сценарист должен, помимо поверхностного уровня, воспринимаемого чувствами и состоящего из изображения, звука, деятельности героя и разговоров, создавать внутренний мир с осознанными и неосознанными желаниями, реакциями и поступками, обусловленными навыками и особенностями человека [1, 259]. Иными словами истинные мысли и чувства героев прячутся за их словами и действиями.

Сцена фильма должна рассказывать, не только о том, что она показывает, а о чем-то еще. Более того, если сцена рассказывает только о том, что в ней изображено, и, таким образом, подтекст включен непосредственно в текст сценария, подобная сцена не годится для показа на экране [1, 259]. Необходимость наличия подтекста не должна казаться нам надуманной, неестественной и насильно привнесенной извне авторами фильмов или теоретиками искусства написания киносценариев, поскольку мы встречаемся с подтекстом на протяжении всей жизни. Человек никогда не может рассказать всю правду, насколько бы искренним ему не хотелось быть, поскольку сам не всегда эту правду знает и в силу разных обстоятельств до конца не отдает себе отчет в причинах своих поступков [1, 259-261], не говоря уже о вполне сознательной маскировке своих истинных мотивов и целей.

Вышесказанное совсем не означает, что в фильме мы не можем увидеть сцены, где отчаявшийся герой говорит правду. Но за этой правдой тоже кроется подтекст. В фильме Романа Поланского «Китайский квартал», Эвелин Малрей в отчаянии сообщает главному герою – частному детективу, что девочка, которую она прячет в своем доме в действительности ее дочь от связи с ее собственным отцом: «Она моя сестра и моя дочь. Мой отец и я...» На что главный герой дает казалось бы нелогичный ответ: «Мы должны вывести тебя из города». Однако, все сразу встает на свои места, если мы обратимся к подтексту. Признание Эвелин есть ни что иное как крик о помощи: «Я не убивала своего мужа. Это сделал мой отец, чтобы заполучить ребенка. Если ты меня арестуешь, он заберет мою дочь. Помогите мне». А подтекст ответа главного героя: «Я все понял. Я понял, что убийца твой отец. Я люблю тебя, и я помогу тебе». Таким образом, смысл данной сцены скрыт в подтексте, а зритель видит естественное нефальшивое поведение героев [1, 262].

Принцип использования подтекста распространяется не только на диалоги персонажей, но также и на закадровый голос рассказчика, дикторский текст, прямое обращение героя к зрителю и т.д. Подтекст присутствует даже в тех сценах, когда герой, находясь в одиночестве, разговаривает сам с собой. Ведь если кто-то обращается непосредственно к вам или высказывает свои мысли вслух, это еще не означает, что данный человек знает всю правду и готов ее рассказать.

Использование подтекста является неотъемлемой частью профессии актера. В работе над ролью актер двигается изнутри наружу – от невысказанных или подсознательных чувств и мыслей к их внешним вербальным или невербальным проявлениям. Поэтому, работая над созданием характера героя, именно в подтексте, а не тексте, актер черпает материал для исполняемой роли. Если подтекст отсутствует, то актеру нечего играть, он лишь механически выполняет действия и произносит фразы, написанные в сценарии или же неизбежно привносит в образ героя свой собственный подтекст, который не был задуман режиссером или автором сценария [1, 259-261].

Существуют и несколько иные трактовки данной проблемы. Например, режиссер и сценарист Александр Митта под текстом понимает лишь диалоги, произносимые персонажами. Подтекст для него – это внутренние жесты героя, его истинные желания, существующие иногда вопреки тексту [2, 331], что несколько не противоречит определениям, приведенным вначале статьи. Что же касается «упрощения» понимания текста до уровня диалогов, то это скорее всего можно объяснить общим стилем его книги, адресованной массовому читателю, не имеющему профессиональной кинематографической подготовки.

Помимо создания многоплановости персонажа подтекст имеет еще одно немаловажное значение, напрямую связанное с первым. Именно через подтекст выражается художественная

ценность произведения искусства (данное утверждение касается не только кинематографа, но и других видов искусств). Если мы обратимся к телевизионным сериалам, то можем заметить, что в них зачастую все находится исключительно на вербальном уровне, а подтекст в поведении героев практически всегда отсутствует. Подобное вполне вероятно может быть объяснено существующим диктатом продюсера и строгими требованиями, предъявляемыми к режиссеру и сценаристу сериала. Ведь целью телесериала является охват как можно большей аудитории, увеличение рейтинга телеканала и как результат материальная выгода, выражающаяся в прибыли, получаемой телеканалом за показ рекламы во время демонстрации телесериала.

Массовый же зритель чаще относится к кино и, тем более, к сериалу как к развлечению, нежели как к произведению искусства, поэтому вполне очевидно, что создатели фильма (сериала) «упрощают» его, убирая подтекст из вербального и невербального поведения героев, с целью сделать свой продукт доступным для понимания большего количества зрителей. Причем, если художественное кино все же зачастую является синтезом искусства и бизнеса и крайне редко чистым искусством, то телесериалы – это бизнес в чистом виде.

Александр Митта в своей книге «Кино между адом и раем» приводит случай из личной кинопрактики, когда, находясь на съемках в Японии, он объяснял актрисе подтекст ее роли, а в разговор вмешался продюсер и попросил, чтобы актриса произносила именно то, что она чувствует, объяснив это тем, что японскому зрителю будет непонятно, если актриса произносит одно, но на самом деле имеет ввиду другое [2, 332]. Данное заявление продюсера выглядит по меньшей мере странным, учитывая, что речь идет о стране, которая дала миру таких режиссеров как Куросава, Итикава, Синдо и др., поэтому не стоит полагать, что данный случай обусловлен проблемами культурного характера. Тем более, что в реалиях современного российского кино и теле производства подобная практика далеко не редкость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макки Р. История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только. Москва: Альпина нон-фикшн, 2014. 456 с.
2. Митта А. Кино между адом и раем: кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Куросаве, Феллини, Хичкоку, Тарковскому... Москва: АСТ: Зебра Е; Владимир: ВКТ, 2010. 508 с.
3. Филд С. Киносценарий: основы написания. Москва: Издательство «Э», 2016. 384 с.
4. Червинский А. Как хорошо продать хороший сценарий: Обзор американских учебников сценарного мастерства, составленный Александром Червинским. Москва: Киносценарии, 1993. 120 с.

PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY

INSOLVENCY IN BULGARIA INTERNALIZATION OF GENERATIONS AT WORK

Assoc. prof., PhD Stoyanova Mariya

Bulgaria, Sofia, University of National and World Economy

Abstract. Based on results from empirical research into generations at work in Bulgaria - pre- and post-war generation (born 1925 – 1944), the generation of the transition period from patriarchal order to modernity (born 1945 – 1964), the growth generation (born 1965 – 1980) and the digital generation (born 1981 – 2000) - carried out during 2008 – 2010, in 2011 and 2015, we uphold the thesis that the low degree of institutionalization of insolvency predetermines the externalization of its rules, principles and values – passively justified and substantiated as necessary and useful. It has been proven that there is need for internalization of insolvency – accepting it as compulsory institution in society to regulate the conflict of interests between debtors and creditors, establishing sustainable social order. Recommendations have been made with regard to social practice – the change process should be conducted through enlarging the research area, increasing the number of publications, making education more comprehensive, creating an acceptable media image of insolvency as a social necessity and as a regulator of the economic life in the Bulgarian society.

Keywords: insolvency, financial failure, bankruptcy, generation, generation in employment

My nearly two-decade-long research experience in the area of insolvency⁴ has provided enough proof for its objective sustainability in different times and societies and its irrational (emotional) perception as a stigma, mostly in European societies, including the Bulgarian one. Welcomed or not, insolvency is a fact. [1, 3, 6] According to research carried out by Eurostat (1994 – 2006) on average 50% of the newly-established enterprises in EU-25 fail to survive in the first five years of their existence and 7% of the established companies declare insolvency every year. [8] Corporate failures in the EU-17 countries increased by 68% between 2007 – 2013. [9, 10] According to research carried out by Coface the annual average increase in the number of insolvent companies is by 5% in Central and Eastern Europe (CEE). Among the 13 countries subject of our study carried out in 2013 Bulgaria reported the highest increase in the number of companies that declared insolvency – 38.9% relative to 2012, followed by Czech Republic – 32.4% and Slovakia – 12.2%. Hungary reported a marked decline in bankruptcies – 40.9%. [2] In 2014, data provided again by Coface showed that the insolvent companies in the countries in CEE dropped by 0.5% on average relative to 2013. There was an increase in insolvencies in the Czech Republic, Ukraine and the Baltic states.

In Bulgaria, according to empirical research carried out by the author, the total number of insolvencies in the period of transition from centralized to market economy (1989 – 2000) was 765, which is 70 companies per year on average. By comparison, only in 2013 there were 834 insolvencies, which is 10 times more. [3] This trend demonstrates that there is need for in-depth study of insolvency as a social process and as an institution aiming to increase the degree of its institutionalization and internalization from various social groups in our society. The argument I uphold is: generations at work⁵ - pre- and post-war period, the generation of the transition from patriarchal order to modernity,

⁴ In the Bulgarian social and legal practice the notion **insolvency** is a synonym for bankruptcy, competition, crisis, whereas the term bankruptcy is used for criminal insolvency. It is an institution which defines models of behavior in society which provide for a special social order (legislatively determined) for fair resolution of conflict of interest between companies-debtors and their creditors. It has four main functions: recovering (helps the debtor to overcome his financial difficulties and to continue to function); satisfactory (provides equal satisfaction for the creditors in terms of repayment); penalizing (requires removal of the companies-debtor from the Commercial register) and preventive (issues a warning that companies will be declared insolvent if they default on their payments or become overindebted).

⁵ The classification of **generations at work** has been developed by the author of this article. It is based on results from empirical research carried out between 2008-2010 through implementing the methods of specific cases and the principle of accessibility to the units and principles of the respondents. This classification presents a

the generation of growth and the digital generation rather externalize than internalize the functional opportunities of insolvency due to the low degree of its institutionalization in Bulgaria after 1989. [5]

Generations at work – about insolvency

The argument outlining the externalization of insolvency by the representatives of the generations at work is confirmed by the results of the empirical research, carried out by the author in the period between 2008 – 2010 [5], 2011 [4] and 2015. In the 2015 research the representatives of these generations were asked the following questions: 1. What is the meaning of "insolvency", "financial failure" and "bankruptcy"?; 2. Are you familiar with the functional opportunities of insolvency?; 3. What would you do if your business became insolvent?

Pre- and post-war generation (1925-1944) is the oldest one still active mostly in private businesses. During their life and professional career they have experienced two significant transitions – from capitalism to socialism (after 1944) and from socialism to capitalism (after 1989). The generation representatives participated in the process of establishing socialism as social order and worked in state and municipal enterprises and cooperatives, thus not being aware of insolvency. Some of them associated insolvency with small and medium sized enterprises which prior to 1944 were recognized as crafts. When asked: "Are you familiar with the functional opportunities of insolvency?" they replied: "No, I am not familiar. I hope I never experience it. I will be really ashamed...". After 1989 the representatives of this generation experienced a difficult mass reorganization and restructuring of the state and municipal enterprises and their fast privatization, liquidation, isolation, financial recovery, insolvency and the collapse of the economy – obliterating entire sectors, professions, change of the essence and quality of work, labour motivation etc.

They explained the insolvency of traders with the transition to market economy and the need for denationalization of ownership. The representatives of this generation experienced serious adverse consequences of the transformation processes – some of them ended up being unemployed for a long time, suffered poverty and social isolation, others rushed to retirement and still others lost their skills and went on doing "whatever work there is". Some of them experienced "personality insolvency", i.e. lost identity, suffered from stress and underwent marginalization. Only a small part of the representatives of the pre- and post-war generation managed to adapt to the new economic life – participated in the process of restitution and privatization and became new owners, establishing their own firms etc. The new owners that belonged to this generation display different attitude to insolvency and consider it "*company crisis and company dissolution*"; "...they do not want it, but see it as likely, do not accept it, but justify it as '*an instrument for a quick liquidation and privatization*". They do not differentiate the concepts financial failure, insolvency and bankruptcy, they are not familiar with the functional opportunities that insolvency provides, but if it happened to them, they "*would learn in the process*". To the question: "What would you do if your business became insolvent?" the new owners replied that "*recovery is impossible and they would sell out whatever they could to repay their creditors in order not to leave any debts and bad reputation to their heirs*". Therefore, the new owners that belong to the pre- and post-war generation are stigmatized by insolvency as an institution and are not willing to look for new business opportunities. They hope that this will be forgotten and will not be a hindrance to their heirs' business.

The generation of the transition from patriarchal society to modernity (1945 – 1964) lived in a period characterized with labour security, equal access to social health care for everyone and equal education, professional qualification and labour opportunities. This generation's working life underwent a period of economic growth and the advance of socialism. Its representatives define themselves as "*successful developers of socialism*", well-educated and people who outperformed their parents both in terms of education and professional development. This generation developed and worked primarily in a centralized planned economy, but was the one that "*bore the entire burden of the transition to democracy and market order*". During the time of socialism part of the people from this generation had key positions in the economy and politics, which resulted in serious shocks for them after 1989. A considerable part of the representatives of this generation were left without jobs after the transformation of the economy and the economic actors. Some of them took early retirement (military, minors, pilots), others participated in the privatization and became owners, still others –

reflection of the actual Bulgarian social practice of employment during the studied period and with some conditionality and approximation reflects the situation in Bulgaria of transition from socialism to capitalism, from centrally-planned to market economy after 1989. The author continues her research on generation at work from a different point of view – mobility, conflict nature, continuity, succeeding the business, internationalization/externalization of the insolvency by generation at work (the topic of this article) etc.

became part of real politic and/or related fields. This generation underwent a number of metamorphoses – first, they built the institutions typical of socialism, then, participated in their development or destruction and thirdly – in the establishment of a new type of “*democratic and market relations institutions*”. This is the reason why the generation is extremely stressed, stagnated, stigmatized by everything experienced and especially by the clash between “*building and destroying*”, “*public and private*”, “*ours-yours*”, finding it hard to overcome these oppositions. This generation experienced “*personal insolvency*”, just like their parents who belong to the pre- and post-war generation. Its representatives were asked: “What do you think the meaning of “*insolvency*”, “*financial failure*” and “*bankruptcy*” is? - and the answers this generation gave, although not very accurate revolve around the right one – the worsened financial situation of the enterprises. The answers given to the question “Are you familiar with the functional opportunities insolvency provides?” unequivocally point out that the representatives of this generation “*are not aware either of the positive and negative aspects; if need arises they contact lawyers for assistance; prefer to try and recover the business rather than declare insolvency; they are afraid of stigmatizing, but have no motivation to study the functional opportunities insolvency provides. In case of insolvency they learn in the process. They cannot anticipate insolvency, they do not want it, and they do not tempt fate*”. When asked: “What would you do, if your business went bankrupt? The representative of the new owners of the new generation replied: “*agreement between the partners for fast liquidation*”, “*selling the enterprise*”, “*looking for fresh capital*” and the final step “*file for bankruptcy*”. This illustrates that this generation also avoids insolvency, it is afraid that the firm will be stigmatized in public space. At the same time its representatives “*panic*”, when they find out that “*their firms incur huge debts, revenues decrease due to disloyal competition and the low degree of solvency of the population, they can service their debts to other countries and creditors*”. Some get rid of their firms with ease because they have not established their business on the market; others – have bought them cheap and it is not difficult for them to let them go; still others do not have the necessary knowledge about the functional opportunities that insolvency provides – to recover and continue their business.

The growth generation (1965 – 1980) was born in the age of socialism and takes the access to free education, health care, social security for granted. Its representative are looking for “*new beginnings*”, “*new modernity*” which can be found in the democratic society and the market economy (even if only as transitology). Although they grew up in socially secure environment, their work experience is in the period of revived capitalism. This generation is familiar with the market principles, but also is aware of the market flaws. It clearly understands the concept of insolvency – long-term financial indebtedness to creditors, partners and contractors and the inability of the trader’s enterprise to perform on its own. The answers of its representatives to the question: “Are you familiar with the functionality of the opportunities that insolvency provides?” show that „*they are aware of them, but not in detail and are willing to study them in depth if the need arises. They are convinced that they have to run their companies in a modern way and to avoid inconsistency. If, however, the enterprise has to be bailed out, it is accepted as the ultimate, but not compulsory rescue measure*”. The respondents declare their unwillingness “*their business to be declared insolvent because it loses the confidence of creditors, clients, consumers, suppliers and its liquidation results in losses for the society, because the company provides jobs and incomes, pays contributions for the employees and taxes, fees, duties to the government*”. These answers show that the growth generation, just like their parents and their ancestors has not got rid of the understanding that insolvency as a “*moral fall*”, as “*a loss of image in the society*”. What is different in their case is the fact that they see inconsistency as a crisis – “*a stage of the business cycle*”. The latter highlights the broader and more modern understanding of the generation of the functional opportunities that insolvency opens. When asked: “What would you do if your business became insolvent? the respondents answered that “they will not let their business become insolvent, to lose financial independence, when they realize that crisis is looming, they would sell the enterprise in order to start a new one”. They see themselves as successful businessmen, entrepreneurs, manages and state that “they would never let such a “*moral fall*” happen as well as such physical and social losses”. They sympathize with those who have declared insolvency, but are not willing to support them (with intercompany loans, mergers with identical successful companies) in order to rescue their enterprise.

The digital generation (1981 – 2000) grew up and socialized in times of developing democracy and market regulation. This is the generation of the new communication systems and information technologies. It is extremely instrumentally-oriented and disloyal to employers and colleagues. The representative of this generation do not worry about insolvency, financial failure, bankruptcy (they consider these terms identical). They believe that in the competitive market

environment – “loyal and disloyal” no one is immune from declaring insolvency. When asked if they are aware of the functional opportunities which insolvency opens, its representatives say that “they do not know them, but they will learn them quickly if the need arises”. They believe that “*others should be responsible for the rescue of the enterprises in crisis for which they work*”. They are not afraid that they might “lose their job”, they identify themselves as “*competitive on the labour market*”, they rely on their youth – “*they are at the start of their professional career*”.

In lieu of conclusion or recommendations for the social practice

The data from both the official statistics and from the empirical research point to the conclusion that insolvency, welcomed or not, exists and it should be taken into consideration by both the representatives of the four generations at work as market and non-market subjects and the society as a whole. The research provides evidence that the working generations do not have profound knowledge and thorough understanding of insolvency and its functional opportunities which makes it difficult for them to consider it an institution which regulates the relationship between debtors and creditors. They justify its existence as objectively necessary and helpful to let the economy free itself from losing enterprises and recover, but they do not see it as a mandatory regulation in the society. For the representatives of all four generations insolvency is a stigma, while for the younger people it is also a stage from the life cycle of the business. This is why the results from the research justify the thesis outlining the externalization of insolvency. A **conclusion** can be drawn that there is need to improve the degree of institutionalization and internalization of insolvency in the Bulgarian society. What is more, this is also determined by the process of harmonization of insolvency legislation in the EU member countries. This can be implemented through a number of government measures, such as broadening the research area, increasing the number of publications, extending education, creating an acceptable media image of insolvency as a social need and as a regulator of the economic life of the society. This would also facilitate the natural transition from externalization to internalization of the functional capacity of insolvency of traders and would improve the degree of institutionalization of insolvency in the Bulgarian society.

REFERENCES

1. Madanska, N. *Proizvodstvo po nesastoyatelnost*. S., Sibi, 2010. 272 s.
2. Prouchvane na Coface odnosno nesastoyatelnostta. Situacijata v stranite ot Centralna i Iztochna Evropa, 15.05.2014. [Elektronen document: <http://www.chambersz.com/pdf/Coface.pdf>].
3. *Stoyanova, M.* Falitat – stariyat nov demon. Troyan, izd. APP ALYA, 2011. 320 s.
4. *Stoyanova, M.* 2011 Stigmata na obyavenite v nesastoyatelnost – edna ot formite na mnogoobrazie v edinstvoto (prez pogleda na pokoleniyata). V: *Mnogoobrazie v edinstvoto. Istoriya I teoriya*
5. *Stoyanova, Maria.* Generations at Workplace (on the example of three concrete cases of agricultural companies in Bulgaria). In: *Diversity and Inequality in Rural Europe – the Bulgarian Case*, Sofia, 2011, 321-333.
6. Targovski zakon – chast IV “Nesastoyatelnost
7. Falitite v Bulgaria namalyavat prez 2014. [Elektronen dokument: http://www.regal.bg/tendencii/2015/06/23/2558855_kofas_falitite_v_bulgariia_namaliavat_prez_2014_g].
8. *Insolvencies in Europe 2005/2006*, Creditreform Economic Research Unit.
9. *Insolvencies in Europe 2012/2013*.
10. *Insolvencies in Europe 2014/2015*.

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Доктор психологических наук Арпентьева М. Р.

Россия, г. Калуга, Калужский государственный университет

Abstract. The article is devoted to consideration of the characteristics and problems of the study of socio-psychological counseling as one of the key technologies of social work in Russia, including problem definition and development of a unified concept of socio-psychological counseling, its relationships with clinical-psychological and age-psychological counseling. Discusses the main challenges and intentions of socio-psychological counseling as a sphere of human relations, cooperation and understanding.

Keywords: socio-psychological counseling, edology, understanding, social sharing.

Социально-психологическое консультирование в России и за рубежом выступает как разнообразное по своим формам, видам и моделям, не в полной мере осмысленное и освоенное практиками и теоретиками явление. Общая «психологизация» социальных отношений, повышение психологической культуры граждан сочетаются с размытостью норм и требований к профессиональной компетентности профессионала, неопределенностью представлений клиентов о своей роли и нормах поведения в консультировании. Все это создает предпосылки для возникновения широкого спектра моделей консультативного общения и отношений, и, с другой стороны, имитаций социально-психологической помощи, актуализируя необходимость выработки целостного представления о сути и критериях социально-психологического консультирования. Наиболее распространенным на сегодняшний день является его определение как процесса, связанного с созданием психологом-консультантом в ходе специально организованной беседы условий для развития клиента как субъекта социальных взаимодействий [1; 2; 3]. Несмотря на многочисленность и, вместе с тем, разрозненность частных и фундаментальных зарубежных и отечественных исследований социально-психологического консультирования, метааналитический, методологический анализ его наиболее значимых, сущностных феноменов современными отечественными и зарубежными исследователями, позволяет сформулировать представление о консультировании как сфере человеческих отношений, проявляющихся в общении клиента и консультанта («практики консультирования»), ценностных основаниях социально-психологической помощи («теории консультирования»), в понимании субъектами консультирования самих себя, друг друга, ситуаций взаимодействия. Первые две реальности выступали предметами специальных исследований, преимущественно в общепсихологических работах, третья - проблема взаимопонимания, отражающая внутренние аспекты становления и развития консультативных отношений, - до сих пор развернутого осмысления не получила [3; 4].

Как область консультативной психологии социально-психологическое консультирование существует наряду с другими областями, в том числе с возрастнопсихологическим и клинко-психологическим консультированием. Возрастно-психологическое консультирование предполагает психологическую помощь людям по поводу проблем, возникающих в ходе возрастного развития и обучения, используя в процессе помощи клиентам закономерности и психотехнологии, активизирующие механизмы возрастного развития. Клинко-психологическое консультирование, во многом отождествляемое с психотерапией, предполагает психологическую помощь в связи с серьезными нарушениями функционирования и развития психических функций и личности, использует в процессе помощи клиентам закономерности и технологии, активизирующие восстановительные (реабилитационные) процессы. Социально-психологическое консультирование, нередко отождествляемое с концептом «консультирование», фокусируется на проблемах взаимоотношений человека с собой и миром, рассматривая эти отношения и как источник проблем, и как путь к их преодолению. Однако, поскольку нарушения отношений констатируются и в ситуации возрастных кризисов и в ситуации психических нарушений, постольку можно говорить не просто о социально-психологическом консультировании, но о социально-психологическом подходе в консультировании. Формирование данного подхода в области консультирования как сферы профессиональной деятельности и модели помогающих взаимоотношений человека и

общества, до сих пор не завершены. Социально-психологическое консультирование как эдологическая практика, сфера профессиональной деятельности, формируется на «стыке» двух других областей: медицинской помощи и психотерапии и социальной работы. При этом социальная работа, несмотря на то, что она выступает как относительно новый, малоизученный феномен, демонстрирует тенденцию к теоретической экспансии в самые разные сферы профессионального взаимодействия и жизнедеятельности людей, выступая как «родовой» по отношению к ним феномен. Если рассматривать попытки осмысления социально-психологического консультирования, то оно рассматривается разными исследователями и практиками по-разному [1; 2; 3]:

1) в контексте деления консультирования на краткосрочные и долгосрочные формы помощи, связанные с разными типами клиентов и их проблем, а также с различными целями и технологиями. Внимание исследований данной группы обращено к изучению соотношений феноменов самопонимания клиента и понимания психолога клиентом, проблемам барьеров (взаимо)понимания, индоктринации и сопротивлений пониманию и изменениям у клиентов, проблемам, соотношению ориентаций консультанта на понимание и изменение, их проявлению в преобразующем диалоге и его результатах;

2) в контексте выделения форм индивидуальной, групповой и межгрупповой (в том числе семейной, общинной, организационной) работы, при рассмотрении особенностей которых акцентируются различные ролевые позиции и механизмы, возможности и ограничения преобразующего диалога. Внимание исследователей данной группы обращено к изучению условий и результатов взаимопонимания как механизма взаимопомощи, возможностей и ограничений понимания себя и окружающего мира субъектами;

3) в контексте выделения форм консультирования, в связи с его функциями: коррекционно-обучающей, информационно-диагностической и посреднической, сопровождающе-развивающей (сопровождающей саморазвитие и самопомощь), при сравнительном рассмотрении особенностей которых акцентируются различия ценностно-смысловых контекстов, возможности и ограничения преобразующего взаимодействия, осуществляются попытки выделения метаконцептуальных, инвариантных для разных форм феноменов преобразующего диалога. Штудии выделенной группы направлены на изучение возможностей и ограничений (развития) понимания человеком себя и окружающего мира в гармонизации его отношений и взаимодействия с другими людьми, к ценностно-смысловым аспектам («метанавыкам») консультативного взаимодействия как взаимопонимания, отражающим «метаусловия» и определяющим «метарезультаты» консультирования;

4) в контексте выделения и сравнения различных «психотерапевтических школ», описания их содержательных (понятийно-смысловых) и процессуальных (механизмов преобразования) особенностей, условий и показателей продуктивности/ эффективности. Особый интерес представляют процессы индоктринации (как трансляции инопонимания) и основанных на индоктринации трансформаций (разных сфер) жизнедеятельности субъектов, специфических для разных школ форм достижения, уровней и проблем взаимопонимания клиента и консультанта;

5) в контексте выделения различных сфер социально-психологического консультирования: организационное и управленческое консультирование, консультирование в социальной работе, включая кризисное консультирование, социально-психологический тренинг и профессиональное, в том числе супервизорское, консультирование, при сравнительном рассмотрении особенностей которых акцентируются различия целей, технологий, консультантов (их профессиональной подготовки и позиции) и клиентов (их проблем и типов). Внимание работ данной группы обращено к изучению особенностей, компонентов и механизмов понимания субъектами себя и окружающего мира в контексте и вне контекста консультирования, изучение возможностей и ограничений, условий и результатов «переноса» изменений в осмыслении себя и мира, достигнутом в консультировании, в практику повседневных отношений, к изучению условий и результатов трансформаций понимания себя и мира консультантом.

Таким образом, консультирование как социально-психологический феномен предстает как сложное, полиморфное явление, связанное с помощью разным группам клиентов в решении проблем их отношений с собой и миром: внутриличностного, межличностного, а также внутригруппового и межгруппового функционирования, развития и восстановления (абилитации и реабилитации). С развитием теории и практики социальной работы усиливается тенденция рассматривать социально-психологическое консультирование в качестве компонента эдологии как науки и практики помощи человеку человеку, в контексте проблемы построения и

развития человеческих отношений, в том числе в контексте выхода из трудных жизненных ситуаций. С социально-психологической точки зрения трудные ситуации, становящиеся причинами страданий клиентов, включают внутриличностные, межличностные и межгрупповые социально-психологические конфликты и нарушения, возникающие в связи с рядом проблем [2; 5]:

1) макросоциальные кризисные стрессовые ситуации, связанные с катастрофами, терактами, войнами, стимулирующие возникновение трансординарных нарушений типа вины выжившего, «стокгольмского синдрома», посттравматических стрессовых расстройств;

2) социальное насилие, столкновение человека с частной и государственной преступностью, активизирующие нарушения связанные с переживаниями социального каннибализма, незащитности и отсутствия контроля, опыта рабства и виктимизации;

3) проблемы и конфликты религиозно-нравственных и межкультурных отношений, активизирующие нарушения, связанные с переживаниями отчуждения, агрессии, несправедливости, расовой, национальной и религиозной дискриминации,

4) отклоняющееся поведение, преступность и правонарушения, активизирующие, как и предыдущие, экзистенциальный кризис и ярко выраженные нарушения, связанные с переживаниями неудовлетворенности собой, миром, стремления отомстить миру, «взять от жизни все»;

5) терминальные заболевания и связанные с ними состояния (комы, изоляции и т.д.), переживание потерь (смертей) близких людей, активизирующие нарушения понимания себя и мира, а также работу механизмов компенсации или восстановления, по поводу обратимых, - и горевания - по поводу необратимых - потерь;

6) инвалидность, хронические психосоматические и психические нарушения и заболевания, алкоголизм и наркомания, активизирующие нарушения внутриличностного и межличностного функционирования, препятствующие нормальному развитию и способствующие различного рода искажениям развития, включая инволюционные ресоматизации, психопатии и т.д., ставящие перед человеком задачи поиска продуктивных защит и стратегий совладания с болезнями, исследования нужд и трансформации желаний в целях прояснения и изменений взаимоотношений с миром и с собой;

7) социально-экономическая нужда и бедность, безработица и профессиональная дезадаптация, активизирующие переживания, связанные с лишением доступа к реализации собственных ресурсов, сознательный или бессознательный отказ от связей с обществом и от профессиональных отношений, включая феномены «дауншифтинга», симуляции и маргинализации, профессиональных деформаций и психологического выгорания, требующих пересмотра соотношения «потребительского» и «творческого» отношений человека к себе и миру;

8) сексизм как половая дискриминация и насилие, искажения гендерных и половых ролей и жизнедеятельности, активизирующие проблемы и переживания неудовлетворенности в семейной и профессиональной жизни, необходимость пересмотра семейных и родовых сценариев и опыта взаимоотношений на уровне структурных и процессуальных шаблонов жизнедеятельности;

9) одиночество детей, взрослых, пожилых, их бездомность, отсутствие семьи или проблемы семейных взаимоотношений, разводов и т.д., активизирующие переживания по поводу невозможности подтверждения и разделения, связанные с отсутствием близости и изоляцией, невозможности понимания, помощи и изменений в себе и значимых (близких) других, побуждающие к поиску и пересмотру внутренних оснований (смыслов) жизнедеятельности,

10) проблемы кризисов возрастного, личностного и духовного развития, «экзистенциальной фрустрации», межвозрастного взаимодействия, «эйджизма», взаимодействия личностей и групп, отличающихся по своим духовно-нравственным ориентациям, зрелости,

11) профессиональное консультирование, включая академическое консультирование и консультирование в различных профессиональных контекстах, например, политическом, управленческом и т.д. – по поводу выбора профессии, обучения, профессионального функционирования и развития в организации и вне нее, нарушений взаимодействия профессионалов с организацией, клиентами,

12) проблемы организационно-управленческого плана, коучинг нововведений и антикризисных, развивающих программ, сопровождение процессов управления карьерой и кадрами в организации и т.д..

Проблемы, с которыми сталкиваются клиенты, могут быть охарактеризованы как проб-

лемы, связанные преимущественно с нарушениями и затруднениями понимания социальных ситуаций, себя или окружающих людей в интимно-личностном, деловом и других видах отношений, локализованные на ценностно-ролевых, смысловых и непосредственно интерактивных уровнях жизнедеятельности. Типологизация ситуаций социально-психологического консультирования на основании различий стоящих перед клиентами проблем, позволяет выделить следующие виды консультирования: 1) обращенные к решению проблем (конфликтов и расхождений, выгорания и перенапряжения, деформаций и деструкций) внутриличностного и межличностного уровней; 2) обращенные к решению проблем социально-психологического функционирования и его восстановления (психологической защиты и совладания с жизненными трудностями), социально-психологического развития (самореализации и наставничества) в сфере семейных, профессиональных и иных отношений; 3) консультирование по поводу травмирующих (внешних) экстремальных ситуаций, возникающих в межличностных «объектных» и межсубъектных отношениях, по поводу внутриличностного (внутригруппового) кризиса, связанного с «экзистенциальной фрустрацией» и задержкой (нежеланием) развития; 4) направленное на трансформацию жизненных ценностей и интенций, моделей общения, фокусов и способов понимания себя и окружающего мира клиентов.

Трансформация жизнедеятельности субъекта осуществляется в условиях обмена и согласования, конфронтации и исследования, со-творчества смыслов жизнедеятельности субъектов, стремящихся понять и быть понятыми, в психологически безопасной (принимающей, подтверждающей, фасилитирующей самораскрытие и направленной на взаимное раскрытие) атмосфере консультирования как партнерского, направленного на сотрудничество по поводу изучения и решения конкретных вопросов, фрустрирующего повседневные шаблоны жизнедеятельности, общения со значимым (реальным, искренним и аутентичным, включенным в диалог как личность, утверждающим и подтверждающим значимость и существование себя и другого) партнером. Основными процессами в практике работы с клиентами являются, таким образом, процессы понимания как (пере)осознания и переработки, изменения индивидуальных способов (путей) жизни, интраперсональных (внутриличностных) и интерперсональных (межличностных) отношений личности. Эти процессы реализуются в процессе работы с индивидом или всей группой, среди них основными являются «понимание для профилактики» (например, проговаривание и выговаривание), в котором доминирующую роль играют процессы осознания и переживания, «понимание для реабилитации» (сопровождающееся феноменами катарсиса, личностных и межличностных изменений на уровне ценностей, способов понимания себя и мира, моделей общения и поведения), в рамках которого акцент смещается на действенные компоненты, а также «понимание для развития» - творчество себя и окружающей жизни в диалоге с консультантом

Традиционно социально-психологическое консультирование осуществляется и/или сопровождается консультантом – психосоциальным работником, задающим его организационные рамки или сеттинг, институционализирующий процессы и феномены социального обмена переживаниями и осознаниями, типичные для любых взаимодействий и взаимоотношений людей и групп, объективизирующий их таким образом, что они становятся доступны изучению и управляемой трансформации (включая обучение) как со стороны исследователя, так и со стороны самих участников консультирования. Однако, в развитии социально-психологического консультирования место консультанта может занимать индивид, семья, группа, организация как субъекты самопомощи и взаимопомощи: специалист в этом случае лишь сопровождает процесс консультирования, выступая скорее в качестве супервизора для занявших его позицию волонтеров, «опытных клиентов» или «группового консультанта». Если опираться на результаты исследований социального обмена (разделения) переживаний в дебрифинге и других исследованиях социально-психологического консультирования как обмена или «разделения» субъектами смыслами своей жизнедеятельности, то его успешность связана с формированием и развитием отношений партнерства и взаимной поддержки, психологической безопасности и направленности на развитие субъектов диалога. Условиями и результатами таких отношений выступает взаимопонимание субъектов. Оно формируется в процессе социального обмена (разделения) переживаниями и осознаниями, развивается в процессе преобразования смыслов общающихся субъектов по мере построения и развития помогающих отношений.

Разнообразие форм, форматов, парадигм и моделей (школ) социально-психологического консультирования ставит перед исследователями вопросы о том, какие же феномены обеспечивают его успешность: продуктивность и эффективность, - от чего зависят результаты

консультирования, не является ли оно «артефактом» социального обмена как такового. Однако, несмотря на множественность школ и подходов, до настоящего времени сфера социально-психологического консультирования не стала предметом целостного, развернутого и системного изучения: ни с точки зрения методологической, ни с точки зрения обобщенных и сравнительных теоретико-эмпирических исследований, направленных на осмысление его специфики, феноменов и механизмов. Об этом говорит и отсутствие четкого и более-менее единообразного определения консультирования и, в том числе, социально-психологического консультирования. Вместе с тем, наличие огромного теоретического и практического опыта консультирования и его изучения говорит о том, что необходимость выделенной данной области в качестве самостоятельной назрела давно, что разработка этой проблемы может раскрыть важные моменты преобразующего диалога, существенно повысив успешность помогающих отношений как отношений взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арпентьева М.Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений (на материале психологического консультирования). Дисс. докт. психол. наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. 497с.
2. Минигалиева М.Р. Психологическое консультирование: теория и практика. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 609с.
3. Фанч Ф. Преобразующие диалоги. Киев: Ника-Центр, 1997. 384с.
4. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. Москва: ИП АН СССР, 1991. 244 с.
5. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. Москва: НФ «Класс», 2000 576с.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕЛОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ПРОГРАММЫ НРАВСТВЕННО-ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «САМОПОЗНАНИЕ»

*Докторант PhD Ахметова А. И.
канд. пед. наук Ширинбаева Г.*

Казахстан, Алматы, КазНПУ им. Абая

***Abstract.** Essential characteristic of spiritual and moral development process of senior high school students. Spiritual and moral development of senior high school students is defined by us as the process which integrates the purposes, principles, contents, forms and methods of "Self-knowledge" spiritual and moral education, directed on identification of universal human values in the personality of senior high school student. Spiritual and moral development of senior high school student is characterized by spiritual and moral knowledge, the attitude towards them and moral behavior, forming the unity which is expressed in his good manners.*

***Keywords:** Spiritual, self-knowledge, spiritual and moral education, universal human values.*

Процессы модернизации образования Республики Казахстан нацелены на обеспечение таких условий обучения и воспитания, которые способствовали бы сохранению и укреплению духовного, психологического и физического здоровья детей, их успешности в учебной деятельности.

В этих условиях «Самопознание» выступает как метапредмет, призванный изменить парадигму образовательного процесса в Республике Казахстан с ориентацией на общечеловеческие ценности, на понимание человека как целостного существа в единстве души, разума и тела [1,2].

Развитие гармоничной, целостно развитой личности невозможно без прочного нравственного стержня. С этой позиции цель целостного развития личности мы видим в выработке способности к духовно-нравственному мышлению и деятельности. Способность сделать правильный выбор требует наличие нравственных принципов и твердых моральных убеждений, которые могут сформироваться у человека в процессе сознательного стремления к духовно-нравственному самосовершенствованию, закалки воли и характера, поисков самого

себя [3]. В связи с этим, главной целью *общеобразовательных школ* является формирование единого нравственно-духовного пространства для всестороннего целостного развития личности старшеклассника, ориентированного на общечеловеческие ценности.

Актуальность мониторингового исследования целостного развития личности старшеклассников заключается в использовании современного комплексного подхода к организации целостного педагогического процесса в условиях внедрения Программы НДО «Самопознание» [4]. В связи с этим, мониторинг целостного развития личности старшеклассника представляется как педагогическая система, ориентированная на сохранение их духовного, психологического и физического здоровья.

Психологические (когнитивные) и психофизические свойства старшеклассника, на которые опирается учебно-воспитательный процесс общеобразовательной школы, без внутреннего единства, без природного источника – духовно-нравственного начала - не могут развить целостную гармоничную природу учащегося. В этой связи, надо отметить то, что образовательный процесс школы, реализующий в каждом своем компоненте основные принципы Программы нравственно-духовного образования «Самопознание», который строится на целостности природы учащегося, основывается на развитии его целостной природы.

В условиях проведения исследования необходимо обратить внимание на развитие учащегося с позиции четырех значимых факторов [5,6], влияющих на целостное развитие его личности: *духовно-нравственное развитие* (как результат духовно-нравственной воспитанности старшеклассника); *интеллектуальное развитие* (результативность выполнения требований образовательного стандарта и учебных программ, обученность старшеклассника); *психологическое развитие* (развитие когнитивной и личностной сферы старшеклассника); *психофизическое развитие* (психофизическая готовность старшеклассника). *Духовно-нравственное развитие является основой для объединения всех качеств личности учащегося.* По каждому компоненту целостного развития выделяются три уровня (высокий, средний и низкий).

Первым компонентом целостного развития старшеклассника является духовно-нравственная воспитанность. Под *уровнем духовно-нравственной воспитанности* мы понимаем степень сформированности (в соответствии с возрастом) важнейших духовно-нравственных качеств личности.

Для определения уровня развития духовно-нравственной воспитанности старшеклассников были использованы следующие методики:

1. Анкета по выявлению общечеловеческих ценностей в структуре личности учащегося, разработанная Мукажановой Р.А., Омаровой Г.А.;
2. Тест «Шкала совестливости» (В.В.Мельников, Л.Т. Ямпольский);
3. Методика определения уровня воспитанности.

Проанализируем ответы учащихся на вопросы анкеты, разработанной Мукажановой Р.А., Омаровой Г.А. с целью выявления понимания сути общечеловеческих ценностей.

На вопрос «*Что значит, по Вашему мнению, Познать себя?*» были получены следующие ответы с глубоким пониманием значения «процесса познания себя»:

- 1) «Познать себя – это заглянуть в свою душу»;
- 2) «Познать себя как человека»;
- 3) «Познать себя - пройти путь к истине»;
- 4) «Осознать кто ты есть на самом деле! Познать что хорошо, а что плохо. Найти гармонию с миром!»;
- 5) «Познать себя – это познать все духовные и нравственные ценности внутри себя!»;
- 6) «Познать себя необходимо каждому человеку, это узнать себя настоящего, истинного».

Можно сказать, что данные ответы подтверждают наши предположения о том, что учащиеся усвоили главную идею Программы нравственно-духовного образования «Самопознание» – познание «духовного начала» в каждом человеке, выявление общечеловеческих ценностей, заложенных в нас.

Ответы на вопрос «*Как Вы считаете, должен ли человек следовать в своей жизни голосу совести? Объясните свой ответ*» были позитивные и осмысленные, все они были связаны с тем, что нужно жить по совести, то есть праведной жизнью. Хотя был и такой ответ: «*жить по совести, значит жить ограниченно*» - это был единственный ответ среди других мнений.

Ответы на вопрос «*Всегда ли нужно говорить правду? Почему?*» нас насторожили. Дело в том что, встречались ответы такого характера: «*может быть ложь во благо*». Ответы данного характера встречались часто, поэтому мы формулируем следующий вывод: необходимо объяснить учащимся о последствиях лжи и провести качественный анализ с пониманием того, что «*иногда не говорят правду во благо, но это не значит что нужно солгать*».

Ответы на вопрос №4 «Ваше понимание общечеловеческих ценностей: истина, праведное поведение, покой, любовь, ненасилие» позволили выяснить знания учащихся сущности данных категорий, а также важности их практиковании в жизни каждого человека.

Обработка ответов на вопрос №5 «Изменилось ли что-нибудь в Вашей жизни после введения предмета «Самопознание»? Если да, то что?» позволила выявить, что 95 процентов респондентов считают данный предмет своевременным, важным в осмыслении смысла жизни и вопроса духовно-нравственного совершенствования человека для качественной жизни в обществе.

Согласно данным духовно-нравственной воспитанности учащихся был проведен количественный анализ результатов исследовательских методик, которые представлены ниже в сводной таблице как количественные показатели воспитанности учащихся старших классов пилотных школ.

Таблица 1. Уровень развития духовно-нравственной воспитанности старшеклассников (в процентном соотношении)

№	Уровень	Старшие классы лицея №131 им.Бауыржана Момышулы г.Алматы		Старшие классы гимназии «Самопознание» г.Алматы		Общий результат	
		на входе 2015	на выходе 2016	на входе 2015	на выходе 2016	на входе 2015	на выходе 2016
1	Высокий	52%	62%	42,9 %	65%	47,5%	63,5%
2	Средний	43%	36%	47, 14 %	35%	45,07%	35,5%
3	Низкий	4%	2%	6,8 %		5,4%	1%
		99%	100%	96,8 %	100%	97,9%	100%

По результатам количественного анализа мы выявили то, что высокие показатели духовно-нравственной воспитанности старшеклассников на выходе составляет 63,5%, средний уровень - 35,5%, низкий уровень - 1% (Рис. 1).

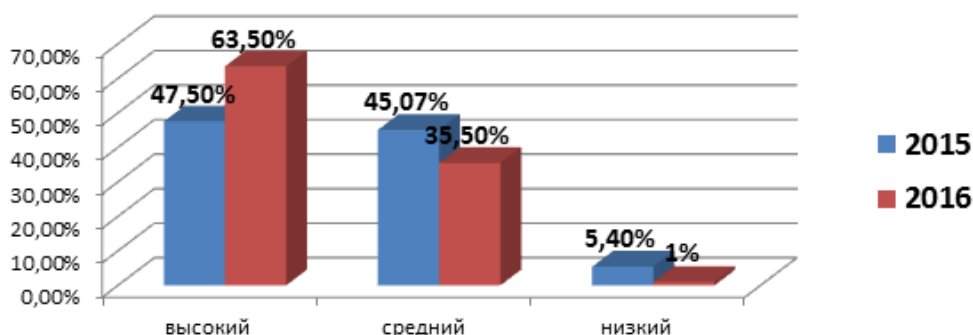


Рис. 1 – Уровень развития духовно-нравственной воспитанности старшеклассников в условиях внедрения Программы НДО «Самопознание»

Для выявления уровня понимания духовно-нравственных категорий (когнитивный компонент) и развития различающего мышления была использована анкета, разработанная Мукажановой Р.А. и Омаровой Г.А.

Вторым компонентом целостного развития старшеклассника является обученность. Выделение уровней обученности старшеклассников осуществляется в соответствии с успешностью усвоения обучающимися учебного материала на основе образовательных стандартов и программ учебных курсов (Таблица 2, диаграмма 2).

Эти данные свидетельствуют, что в подавляющем большинстве среди участников эксперимента на выходе составляют респонденты с высоким и средним уровнем сформированности обученности - 48, 5 % и 45, 5%. Из общего числа опрошенных учащихся

только 6% показали низкий уровень сформированности обученности (Рис. 2).

Таблица 2. Уровень сформированности обученности старшеклассников (в процентном соотношении)

№	Уровень	Старшие классы лицея №131 им.Бауыржана Момышулы г.Алматы		Старшие классы гимназии «Самопознание» г.Алматы		Общий результат	
		на входе 2015	на выходе 2016	на входе 2015	на выходе 2016	на входе 2015	на выходе 2016
1	Высокий	46,6 %	49%	48,3%	48%	47,5%	48,5%
2	Средний	48,2 %	47 %	37%	44%	42,6%	45,5%
3	Низкий	5,2 %	4%	14,7%	8%	9,9%	6%
		100%	100%	100%	100%	100%	100%



Рис.2. Уровень сформированности обученности старшеклассников (в процентном соотношении)

Третьим компонентом целостного развития старшеклассника является психологическая готовность. Психологическое развитие нами рассматривается по уровням сформированности когнитивной и личностной сферы старшеклассника.

С целью определения уровня развития психологической готовности старшеклассников по принципу минимума были исследованы такие их характеристики, как мотивация к успеху, умственное развитие.

В ходе проведения мониторинга психологического развития старшеклассников было использовано 2 методики:

1. Методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса;
2. Методика «Эрудит» (Школьный тест умственного развития / ШТУР под ред. К.М.Гуревича в модификации Г.В.Резапкиной).

Таблица 3. Уровень развития психологической готовности старшеклассников (в процентном соотношении)

№	Уровень	Старшие классы лицея №131 им.Бауыржана Момышулы г.Алматы		Старшие классы гимназии «Самопознание» г.Алматы		Общий результат	
		на входе 2015	на выходе 2016	на входе 2015	на выходе 2016	на входе 2015	на выходе 2016
1	Высокий	30%	51%	50%	52%	40%	51,5%
2	Средний	55,5%	43%	46%	48%	50,7%	45,5%
3	Низкий	14,5%	6%	4%	0%	9,3%	3%
		100%	100%	100%	100%	100%	100%

В целом ситуация в пилотных школах такова (на выходе): преобладает результат высокого уровня развития психологической готовности учащихся – 51,5%, показатели среднего уровня составляют – 45,5%, показатели низкого уровня – 3% (Рис. 3).

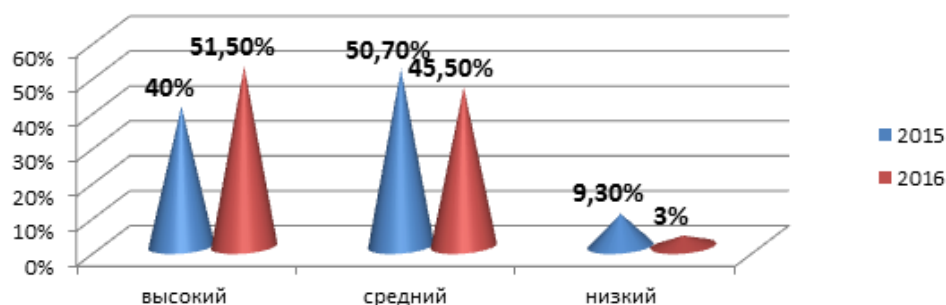


Рис.3. Уровень развития психологической готовности старшеклассников (в процентном соотношении)

Четвертым компонентом целостного развития старшеклассника является физическая готовность, которая определяется оценкой учителя физкультуры уровня общей физической подготовленности, а также оценкой медицинского работника общего состояния здоровья учащегося.

По итогам исследования физического развития были получены следующие результаты (таблица 4):

Таблица 4. Уровень развития физической готовности старшеклассников (в процентном соотношении)

№	Уровень	Старшие классы лицея №131 им. Бауыржана Момышулы г.Алматы		Старшие классы гимназии «Самопознание» г.Алматы		Общий результат	
		на входе 2015	на выходе 2016	на входе 2015	на выходе 2016	на входе 2015	на выходе 2016
1	Высокий	84,4 %	86%	32%	53%	58,2%	69,5%
2	Средний	15,6 %	14%	68%	47%	41,8%	30,5%
3	Низкий	0%	0%	0%	0%	0%	0%
		100%	100%	100%	100%	100%	100%

В целом ситуация в пилотных школах такова (на выходе): преобладает результат высокого уровня развития физической готовности учащихся – 69,5%, показатели среднего уровня составляют – 30,5%, показатели низкого уровня – 0% (Диаграмма 4).

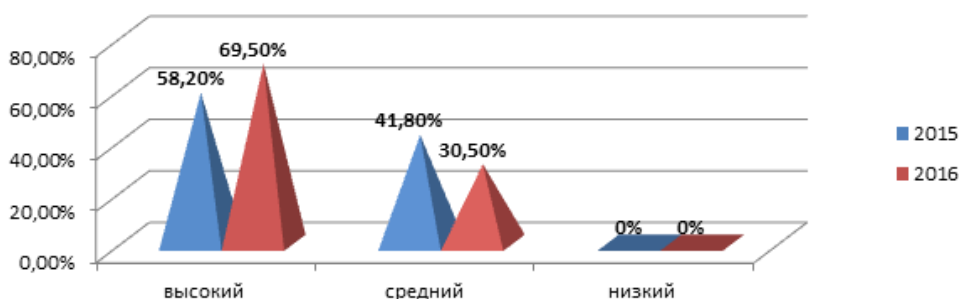


Рис. 4. Сравнительный анализ результатов мониторингового исследования целостного развития личности старшеклассника (в процентном соотношении)

Главная задача организаций образования по достижению результата – это закладывание основ духовно-нравственной личности с активной жизненной позицией и с

творческим потенциалом, способной к самопознанию, самосовершенствованию, самореализации, к гармоничному взаимодействию с самим собой, с другими людьми, в целом с окружающим миром. В связи с этим, экспериментальную проверку внедрения Программы НДО «Самопознание» в содержание ЦПП ПОО мы осуществили через мониторинг уровня целостного развития личности (Таблица 5, рисунок 5):

Таблица 5. Уровень целостного развития старшеклассников (в процентном соотношении)

№	Уровень	Общий результат	
		на входе 2015	на выходе 2016
1	Высокий	48,3%	58,2%
2	Средний	45,04%	39,3%
3	Низкий	6,2%	2,5%
		99,54%	100%

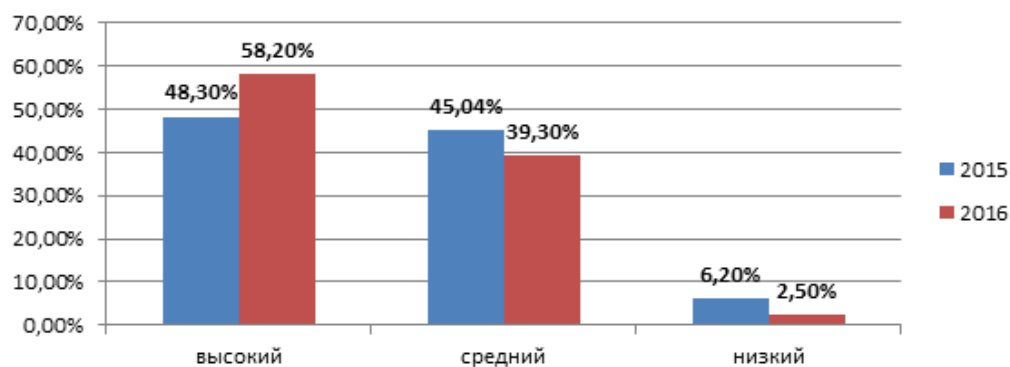


Рис. 5. Уровень целостного развития старшеклассников (в процентном соотношении)

По результатам мониторинга целостного развития старшеклассников пилотных школ выяснилось то, что: высокие результаты составляют -58,2%; средние – 39,3%; низкие - 2,5 %.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мукажанова Р.А., Омарова Г.А. Методика преподавания дисциплины «Самопознание» в школе. Учебно-методическое пособие для учителей. – Алматы: ННПООЦ «Бобек». 2013. – 176 с.
2. Мукажанова Р.А., Омарова Г.А. «Самопознание» и другие учебные предметы: возможности интеграции содержания и методов обучения». Учебно-методическое пособие для учителей./- Алматы: ННПООЦ «Бобек»,2013. – 128 с.
3. Амонашвили Ш.А. Школа жизни. – М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2000. – 144 с.
4. Гусев А.Н., Уточкин И.С. Психологические измерения: Теория. Методы: Учеб.пособие для студентов вузов / А.Н. Гусев, И.С.Уточкин. – М.? Аспект Пресс, 2011. -319 с.
5. Шаталов А.А., Афанасьев В.В., Афанасьева И.В., Гвоздева Е.А., Пичугина А.М. Мониторинг и диагностика качества образования. Монография. М.: НИИ школьных технологий, 2008. – 322с.
6. Современная психология: Справочное руководство. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 688 с.

International Scientific and Practical Conference “WORLD SCIENCE”

№ 4(8), Vol.5, April 2016

MULTIDISCIPLINARY SCIENTIFIC EDITION

Proceedings of the IInd International Scientific
and Practical Conference
"Methodology of Modern Research
(March 28 – 29, 2016, Dubai, UAE)"

Passed for printing 31.03.2016. Appearance 10.04.2016.

Typeface Times New Roman.

Circulation 300 copies.

Publishing office ROTranse Trade F Z C company - Ajman - United Arab Emirates 2016.